

Кентерберийские рассказы. Переложение поэмы Джеффри Чосера

Автор:

[Питер Акرويد](#)

Кентерберийские рассказы. Переложение поэмы Джеффри Чосера

Питер Акرويد

«Я не верю, что прошлое непременно находится в прошлом. Оно вечно, оно всегда вокруг нас», – так говорит Питер Акرويد. И доказывает это всему миру своим переводом со староанглийского на современный язык одной из величайших поэм Джеффри Чосера (1343–1400). «Кентерберийские рассказы» – это мозаика из удивительных историй: религиозных, бытовых, романтических, поведенных средневековыми паломниками по пути из Лондона в Кентербери, людьми разных возрастов, социального положения и темперамента, и голос каждого из них сохраняет яркость и свежесть просторечного стиля.

Произведение Чосера и прославились, скорее всего, своим соленым юмором, да и многие его сюжеты легко узнаваемы (вспомним, например, «Сказку о царе Салтане»). А теперь мы можем наслаждаться чосеровскими «Кентерберийскими рассказами» в переложении Питера Акроида.

Питер Акرويد

Кентерберийские рассказы. Переложение поэмы Джеффри Чосера

Введение

Джеффри Чосер, автор «Кентерберийских рассказов», был типичным лондонцем XIV века. И точно так же, как его оригинальные истории служат зеркалом средневекового общества, так и жизнь самого Чосера отражает многообразие движущих сил его эпохи. Так, он был заметной фигурой при королевском дворе – он служил, по крайней мере, трем королям и двум принцам. На таможне, в Лондонском порту, собирал налоги. Был дипломатом и чиновником, надзиравшим за строительными работами для нужд короля. Недолгое время прослужил солдатом. Однажды его назначили судьей и членом парламента. А в промежутках между разнообразными служебными обязанностями он умудрялся сочинять стихи, которые стали самым законченным и мощным выражением духа средневековой Англии.

Разумеется, Чосер знаменит прежде всего «Кентерберийскими рассказами» – поэмой, над которой он работал до конца своей кипучей творческой жизни.

В ранние годы он писал притчи, легенды и сказки в стихах; а несколько позже сочинил поэму «Троил и Хризеида» – ее справедливо считают первым английским романом нового времени. До него еще ни один писатель не был так многолик и так сложен. Характер Чосера и его творчество трудно поддается определению. В стихах он демонстрирует робость и сдержанность, но ведь таможенник не может быть робким. Ему нравилось представлять себя ученым затворником, однако на него подавали в суд за долги и обвиняли в изнасиловании. Он прославился скабрезными сюжетами и непристойными шутками, но при этом сохранял глубоко религиозное видение мира.

Чосер родился в Лондоне между 1341 и 1343 годами, в богатой купеческой семье. Его отец, Джон Чосер, был преуспевающим виноторговцем; их дом и торговый склад находились у реки, на Темз-стрит, а в нескольких ярдах от него была верфь Трех кранов, где выгружали гасконские вина. Всю жизнь Чосер прожил вблизи реки и слышал ее звуки. Его детство и юность проходили в шумном, людном и деловом мире, и этот энергичный городской дух дает о себе знать во всех его сочинениях. Среди зачастую величественных и искусных стихотворных строк у него то и дело проскакивают разговорные словечки и выражения лондонских улиц: «Да ну тебя совсем!..а ну-ка поглядим...давай кончай эту канитель...что ты там сказал...а ну посторонись...дурень ты, дурень!»

Хотя Чосера главным образом воспитала улица, поэт получил серьезное образование. Возможно, у мальчика был домашний учитель, а кроме того, он мог посещать благотворительную школу Святого Павла, что в сотне ярдов от его

дома. Своим знанием латыни и латинских авторов, вроде Овидия и Вергилия, он обязан основательной подготовке по предмету, который тогда назывался «грамматикой». Чосер знал еще и французский с итальянским, правда, и тем и другим он вполне мог овладеть в житейской обстановке. В четырнадцать – пятнадцать лет его отправили к королевскому двору.

При короле Эдуарде III отец Джеффри был назначен помощником дворецкого, и, разумеется, свои честолюбивые планы в отношении сына он блестяще осуществил не без помощи влиятельных персон мира сего. В 1357 году Чосер поступил в пажи к невестке короля Эдуарда – принцессе Елизавете; так началась его карьера на королевской службе, а завершилась она с его смертью. При дворе он обучился искусству переписки и красноречию. А его знание риторики, в особенности, служит нам ключом к пониманию «Кентерберийских рассказов». Будучи слугой короля, Чосер отправился на войну, однако вблизи Реймса попал в плен к французам, но спустя четыре месяца его выкупили за 16 фунтов. С тех пор он больше не воевал, и, по правде говоря, у него не было особой склонности к военному делу. Он предпочитал мирные занятия. В двадцать с небольшим Чосер поступил на королевскую дипломатическую службу, и его не раз отправляли с миссией к правителям Европы. Но дипломат был еще и поэтом. По его собственным словам, он сочинил «множество песен и игривых лэ». Иными словами, он сделался придворным поэтом и развлекал дам и вельмож изящным исполнением стихотворных lamentаций и рондо, баллад и посвящений. Предполагают, что эти ранние сочинения пользовались успехом. Его современник Джон Гауэр рассказывал, будто Чосер наводнил всю страну своими стишками и песенками.

После смерти отца Чосер унаследовал изрядную часть имущества и вскоре женился на Филиппе де Роэ, фрейлине из свиты королевы. Это был придворный брак, о котором практически ничего не известно. Чосер всегда умалчивал о своей частной жизни: предпочитая держаться в тени, он порой казался невидимкой. Нам известно лишь имя его жены и ее положение в обществе. В последние годы они месяцами жили порознь, но, похоже, ни одного из супругов это не огорчало.

Его связи с двором все больше укреплялись. Он вошел в свиту Джона Гонта, одного из сыновей короля Эдуарда, и получал ежегодные вознаграждения за оказываемые услуги. В число этих услуг входило и сочинение стихов для нового покровителя. Когда умерла жена Джона Гонта, Чосер написал «Книгу Герцогини» – поэму-фантазию в память о ее добродетелях. По-видимому, это

сочинение предназначалось для устного исполнения, и, возможно, Чосер декламировал его во время панихиды, состоявшейся в соборе Святого Павла.

Важно отметить, что эта поэма написана по-английски. Королевский двор в Вестминстере в ту пору еще оставался французским, и говорили там преимущественно по-французски, однако стихи Чосера – наилучшее доказательство того, что статус английского языка быстро повышался. Чосер стал мастером, который избавил английский от прежнего униженного положения просторечного языка покоренного народа.

И не случайно, что при жизни поэта английский вытеснил французский язык из сферы школьного обучения, а в царствование следующего монарха стал даже языком королевского двора. Все эти обстоятельства, словно сговорившись, сделали Чосера самым представительным и самым авторитетным поэтом своего времени. Одна из характерных черт гения заключается в том, что он олицетворяет мировоззрение людей своей эпохи.

И все же гений Чосера произрастал не только на родной почве. Будучи королевским посланником, он не раз оказывался по делам службы в Италии, где участвовал в торговых переговорах с Генуей и Флоренцией. И там его интересовала не только торговля. Так, во Флоренции он прежде всего получил возможность окунуться в культурную жизнь города. Он познакомился с манускриптами литературных произведений. Флоренция, которая была поистине кормилицей и матерью тогдашней итальянской поэзии, в значительной степени повлияла на творчество Чосера. Он читал в подлиннике Данте, Боккаччо и Петрарку. Данте, как известно, прославился «Божественной комедией», но был у него и трактат *De vulgari eloquentia* («О народном красноречии»), где он превозносил достоинства родного языка. И этот урок не прошел даром для английского поэта.

В ту пору, когда Чосер посещал Флоренцию, Петрарка жил в ста милях от нее – в Падуе. Однако его влияние ощущалось повсюду: он был мастером красноречия, олицетворением великолепия, он был человеком, который поднял материальный и духовный статус поэта. Его пример мог бы навести Чосера на мысль, что поэзия – это не просто приятное занятие на службе у какого-нибудь вельможи, не развлечение, а жизненное призвание. Если бы не ошеломительный успех этих двух итальянских писателей, то весьма мала вероятность, что Чосер вообще бы поддался такому соблазну, как сочинение «Кентерберийских рассказов». Важен здесь был и пример Боккаччо, который создавал произведения самых разных

жанров – романтические, мифологические и исторические – и прибегал к самым разным стилям. Сами «Кентерберийские рассказы» во многом навеяны его «Декамероном» – оба сочинения являются перипатетическими шедеврами эпического масштаба.

Итак, Чосер возвратился в Англию, имея уже более ясные и возросшие поэтические амбиции. И почти немедленно принялся работать над «Храмом Славы» – еще одной поэмой-фантазией, очевидно, пародировавшей «возвышенный» стиль Петрарки. Чтобы передать картину мира, непрочного и далеко не идеального, Чосер использовал свои излюбленные авторские приемы – остроумие и острословие. Ничто не вечно под луной. Потому-то и не следует отрывать от приземленных жизненных дел. 8 июня 1374 года Чосера назначили таможенным инспектором по шерсти в одном из самых важных ведомств в Лондонском порту. Это была тяжелая и неприятная работа. Он должен был осматривать и взвешивать товар, пересчитывать мешки с шерстью, улаживать споры между купцами. Ему также приходилось взимать пошлину, к которой, по средневековым обычаям, присовокуплялись взятки и различные «льготы». В «Храме Славы», законченном уже после вступления в должность таможенного инспектора, Чосер так описывал свою трудовую жизнь:

Лишь только, подведя итог,

Ты свой дневной закончишь труд,

Не развлечения зовут

Тогда тебя и не покой, —

Нет, возвратясь к себе домой,

Глух ко всему, садишься ты

Читать до полуслепоты

Другую книгу при свечах...[1 - Перевод И. Кашкина. (Здесь и далее – прим. перев.)]

Нам даже известно местонахождение этого «дома», где поэт предавался таким усердным занятиям. Он жил над Олдгейтом – западными городскими воротами, и с высоты своего жилища ему хорошо был виден лондонский людской поток – бесконечно снующие повозки, телеги, вьючные лошади и пешеходы. До него, конечно, долетал гул голосов, звучавших под воротами; сверху он мог в

подробностях рассмотреть наряды проходящих и проезжающих. Наверняка была ему знакома и фигура одинокого путника. Живя в доме над Олдгейтом, Чосер, наверное, переосмыслил свое представление о жизни человека как о бесконечном странствии. Отправляясь на службу, в Лондонский порт, он неизбежно шел самыми оживленными, самыми шумными улицами города. И это великое стечение народа послужило предвестником «Кентерберийских рассказов».

Двадцать первого июня 1377 года Эдуарду III наследовал одиннадцатилетний мальчик, коронованный как Ричард II. Такая перемена нисколько не затронула карьеру Чосера. В придворной свите нового короля-ребенка было немало друзей и знакомых поэта, и в течение нескольких лет его не раз отправляли за границу с различными посольскими делегациями. Почетное положение, возможно, даже выручило его однажды. Так, 1 мая 1380 года Сесилия Шампейн сняла с него обвинения «De raptu meo» («О моем изнасиловании»). Хотя ранее она обвиняла его в совершении насилия, ее убедили уладить дело без суда. Трое из свидетелей по этому делу были влиятельными придворными короля. А четвертый – лорд-мэром Лондона. Само существование такого документа ясно доказывает, что Чосер отнюдь не был сторонним наблюдателем событий. Он находился в самой гуще придворных и административных дел. О самом «изнасиловании» никаких свидетельств того времени не сохранилось. Следует лишь подчеркнуть, что пути средневековых законов были зачастую неисповедимы, а потому ни одно заявление нельзя принимать за чистую монету. Дальше – тишина.

К тому времени Чосер уже достиг видного положения и как поэт, и как слуга короны. Он написал еще одну поэму-фантазию – «Птичий парламент», где воплотилась сущность придворной поэзии. Насыщенная обстоятельными и реалистичными подробностями, она полна эмоциональной символики, богата портретными характеристиками (в произведениях Чосера птицы едва ли не человечнее самих людей) и изобилует классической ученостью. Но тут Чосер выходит за придворные рамки: в этой поэме он обращается к горожанам, и прежде всего – к лондонским купцам. Ведь эти богатые бюргеры уже составляли новое, вполне образованное сословие.

Желая, по сути, обрести более широкий круг читателей, он приступил к сочинению поэмы, которой предстояло переоценить и расширить границы английской поэзии. «Троил и Хризеида» – это одновременно и роман нравов, и пантомима, и погребальный плач, и философское исследование, и фарсовая

комедия, и скорбная элегия о жестоком коварстве рока. В этой поэме соединилось многое; ее можно назвать первым современным литературным произведением на английском языке. Она разнородна и многолика и во всех отношениях является достойной предтечей «Кентерберийских рассказов». Отчасти опираясь на поэму Боккаччо «Филострато», она повествует о неверности Хризеиды Троицу во время Троянской войны. Однако Чосер превращает любовный роман в человеческую драму, в искусную и замысловатую повесть о любви и ревности, декорациями для которой служит вечность. В то же время это сочинение свидетельствует о том, что его автор – проницательный, деловой и практичный человек, для которого внешняя «оболочка» вещей – не помеха; Чосер смеется над притворщиками и лицемерами, над ложной ученостью и ложными чувствами и конечно же на протяжении всей поэмы с нескрываемым удовольствием упражняется в грубом юморе и косвенных намеках. Выдуманный им персонаж Пандар – посредник между любовниками – одно из величайших порождений средневекового воображения.

Заканчивая «Троицу и Хризеиду», Чосер одновременно начал работать над миниатюрным эпосом, избрав в качестве сюжета историю о двух рыцарях, Паламоне и Архите, соперничавших за любовь Эмилии. «Рассказ Рыцаря» и стал первым из «Кентерберийских рассказов». Чосер уже покинул прежнее жилье в Олдгейте и должность таможенника и переселился в Кент. Там он получил место мирового судьи, а спустя год стал одним из членов парламента от этого графства, а также управляющим двух королевских дворцов в Кенте – Элтема и Шина. По всей вероятности, сочиняя «Кентерберийские рассказы», он жил в Гринвиче или в соседнем городке Дептфорде. Оба города, кстати, упомянуты в самой поэме:

Lo Depford, and it is half-wey pryne!

Lo Greenwych, ther many a shrewe is inne!

It were al tyme thy tale to bigynne.

Мы уже в Дептфорде, и уже половина восьмого утра.

Вскоре мы будем в Гринвиче – этом рассаднике негодяев.

Ну что? Пора, начинайте рассказ.

Имел ли он в виду какого-то конкретного «негодяя»?

Итак, теперь, когда он удалился из Лондона и освободился от своих обременительных обязанностей, у него появилось больше времени и свободы для размышлений о задуманной им новой большой поэме. Уже были написаны «Рассказ Рыцаря» и «Рассказ Второй Монахини», но, вероятно, с самого начала у него в голове зародился замысел огромного и свободного эпоса, который мог бы вобрать в себя самый разнообразный материал. В действительности, эта поэма так никогда и не была завершена; она существует в виде целого ряда разрозненных рукописей и рукописей, собранных в группы, – их в позднейшие времена издатели компилировали в более или менее произвольном порядке. Некоторые рассказы связаны между собой, однако этого недостаточно, чтобы говорить о существовании единого целого. Возможно, Чосер именно к этому и стремился. Он работал над поэмой всю оставшуюся жизнь и, наверное, полагал, что это занятие выглядит столь же утопичным и непредсказуемым, как и сама жизнь. По-видимому, он работал над несколькими историями одновременно и кое-какие из них оставлял незаконченными. Он переделывал прологи и эпилоги, дополнял новыми мыслями; иногда убирал строки из одного рассказа и переносил их в другой. Некоторые истории вполне соответствуют личности рассказчика, но не все. Например, есть мнение, что «Рассказ Шкипера» изначально был вложен в уста женщины. Это была масштабная, непрерывно развивавшаяся поэма.

Поэтому некоторые персонажи, если Чосер начинал сознавать их важность, со временем обретали более яркие черты. Так, Батская Ткачиха впоследствии сделалась гораздо более полнокровной героиней. Ее пролог стал самым длинным в поэме, а позже поэт добавил туда и новые строки. Он вставил упоминания о ней в «Рассказ Студента» и в «Рассказ Купца», как бы заново подтверждая ее личность. Персонажи вроде нее обладают такой натуралистичной непосредственностью, что даже трудно сказать, где заканчивается жизнь и начинается искусство. Чосер вводит в действие поэмы и «реальных» лиц. Знаменитый Трактирщик списан с реально существовавшего Гарри Бейли – владельца харчевни в Саутуорке; Повар – как персонаж – восходит к знаменитому в ту пору повару Роджеру Уэрскому по прозвищу «Уэрский Кабан». И, разумеется, сам Джеффри Чосер выведен как озадаченный и

педантичный созерцатель человеческой жизни – толстоватый и туповатый. Здесь в известной мере сказалась изобретательная ирония и скрытность Чосера; это был и способ обратить внимание на собственное, авторское, присутствие в поэме, и в то же время – обезоруживающая критика.

Однако даже со всеми своими натуралистическими подробностями «Кентерберийские рассказы» не являются реалистическим повествованием в современном понимании. Они перегружены всевозможными риторическими и стилистическими ухищрениями и так же мало походят на современный роман, как Уэллский собор – на многоэтажный жилой дом. Он прибегает к приемам *exclamatio*, *interrogatio* и *interpretatio*[2 - Восклицание, вопрошание и толкование (лат.)], даже когда заглядывает в глубочайшие человеческие тайны. Все персонажи здесь тщательно продуманы, изображены живо и смело; однако их сила проистекает из их формального статуса: ведь они суть типажи, или символы, средневекового мира. Они напоминают персонажей мистерий или карнавальных действий – тогдашних уличных постановок для увеселения народа. Поэма открывается рассказом Рыцаря не случайно – в его образе прославляются воинские доблести героев, в чьих глазах главным делом является война. Точно так же Чосер определяет основные «сословия» королевства: это те, кто воюет, кто молится и кто трудится. Каждый из его паломников – не только личность, а еще и аллегория. Пускай Монах – «лицом упитанный, румяный»[3 - Из «Общего пролога». Перевод И. Кашкина. (Здесь и далее цитаты приводятся по изд.: Чосер Джеффри. Кентерберийские рассказы. М., «Грантъ», 1996).], но он олицетворяет и алчность, и порочность Церкви. Батская Ткачиха – видная матрона в теле, но она же олицетворяет ту порочность всего женского пола, начало которой положило слушание Евы в Эдемском саду.

Таким образом, «Кентерберийские рассказы» – поэма, объединяющая совершенно разноплановые повествования. «Общий пролог» и двадцать четыре отдельных рассказа охватывают все мыслимые жанры – от проповеди до фарса, от церковного жития до басни о животных, от героического эпоса до беспардонной пародии. Ее двадцать восемь персонажей являют собой целую галерею человеческих типов XIV века, полную мешанину тогдашних ремесел и профессий. К тому же открытая форма поэмы позволяла Чосеру прибегать к разнообразным стилям тогдашней эпохи – от возвышенных песнопений до уличного просторечия. Вся поэма строится на контрастах: духовное сталкивается с мирским, благочестие с шутовством и похабщиной. Поэтому возвышенный слог первой истории – «Рассказа Рыцаря» – сменяется беззастенчивым плотским юмором в «Рассказе Мельника». А «Рассказ Мельника», в свой черед, пародируется в «Рассказе Мажордома», где

описывается история о том, как наставили рога мельнику; вслед за этим идет небольшой отрывок из «Рассказа Повара»: там речь идет о подмастерье и проститутке. Таким образом, эта группа из четырех рассказов демонстрирует своего рода шкалу радостей любви, где показан переход от благородной рыцарской романтики до низменных удовольствий городской бедноты. Пускай Повар не столь искушен в риторике, как Рыцарь, зато он передает куда более обширную – а может быть, и более богатую – традицию. Откровенный натурализм поэмы – прямое следствие ее разнообразия; из противоположностей проистекает энергия. Контраст порождает красоту.

Часто отмечалось, что в поэме не говорится о событиях той эпохи, в которую она создавалась; Черная Смерть и Крестьянское восстание, очевидцем которых являлся Чосер, упоминаются один-единственный раз на протяжении всех «Кентерберийских рассказов». Но Чосер рассматривает окружающий его мир под другим углом зрения. Листая страницы поэмы, можно получить представление о средневековой жизни, какой она виделась тогда. Его паломники – в каком-то смысле карикатуры, зато они позволяют подсмотреть очень многое из тогдашней повседневной действительности: вот Повар, который соусом из петрушки старается забить привкус протухшего мяса; вот Мельник, привычно и бесстыдно злоупотребляющий своей монополией во всей округе; вот Мажордом, который как может надувает хозяина поместья. Мы замечаем тут и невольные намеки на женоненавистничество, и столь же безотчетные проявления антисемитизма. Все эти черты были так же типичны для эпохи Средневековья, как и частые обращения к Деве Марии, и постоянное упоминание имени Христа.

Пока Джеффри Чосер работал над своей длинной поэмой, его собственная жизнь в этом мире шла своим чередом. Последние десять лет он состоял на королевской службе, а в 1394 году Ричард II назначил ему ежегодное пособие в 20 фунтов. В 1398-м ему выдали «охранную грамоту» для исполнения одного «тяжелого и срочного поручения» короля. В том же году он покинул Кент и возвратился в Лондон – говоря точнее, в Вестминстер. В 1399 году он получил в аренду на 53 года жилье при аббатстве, в садах капеллы Девы Марии. Ему было уже около шестидесяти – весьма почтенный возраст для той эпохи, когда повальные эпидемии и хронические заболевания были самым обычным делом.

Причина смерти Чосера, впрочем, неизвестна. Известно лишь, что он скончался в чумной год; датой его смерти обычно называют 25 октября 1400 года. Именно эта дата высечена на его могильном памятнике, который установили лишь сто

пятьдесят лет спустя. Погребен Чосер в самом Вестминстерском аббатстве. Теперь его прах покоится в Уголке Поэтов, но в ту пору его могила оказалась в неприметном месте, где обычно хоронили монастырских служителей. Чосер похоронен в аббатстве вовсе не из-за того, что был великим поэтом, а лишь в знак признания его в должности королевского слуги.

Однако поэзия его не была предана забвению. Сохранилось больше восьмидесяти рукописей длиннейшей поэмы Чосера, которые были собраны воедино только после смерти поэта. Уже само это количество свидетельствует о необычайной популярности «Кентерберийских рассказов» в первые годы XV века. В них сразу увидели великое произведение литературы. Уильям Кэкстон именовал Чосера «почтеннейшим отцом нашей английской речи». Джон Драйден тоже называл его «Отцом английской поэзии».

Зачем нам читать «Кентерберийские рассказы» сегодня? Самый прямой ответ – самый очевидный: это одна из величайших поэм во всей английской литературе, это творение, которому суждено жить, пока существует сам английский язык. И еще – это одно из самых изобретательных изложений мыслей и чувств средневекового человека, столь же богатое и сложное, как каменная кладка тогдашних соборов. Эта поэма является высшим достижением культуры, вобравшей в себя черты англосаксонского – а также средневекового – мира. К тому же в ней проступили черты общеевропейского менталитета – ведь в широкое полотно английского повествования вплелись важнейшие мотивы французской и итальянской литературы.

И в этом смысле поэма Чосера – еще и первая победа народной речи в эпоху, когда английский наконец-то признали официальным языком страны. Это эквивалент Дантовой «Божественной комедии», в которой воплотилась вся народная мощь итальянского языка. И все же различия между этими двумя поэмами поучительны. «Кентерберийские рассказы» – это парадигма исключительно английского склада ума, которая, вобрав в себя весь диапазон интонаций и стилей языка, позволила поэту легко переходить от самого утонченного к самому низменному. В некоторых отношениях Чосера можно назвать отцом английского юмора; так, например, созданные им портреты Батской Ткачихи и Пристава церковного суда явно повлияли на таких разных писателей, как Филдинг и Диккенс.

«Кентерберийские рассказы» балансируют между благочестием и фарсом, между высоким и низким стилем, что легко вмещает в себя этот гибкий и

плавный язык, рождающийся, похоже, без малейших усилий. Чосер смешивает священное с мирским, романтику с обыденностью и между делом воспроизводит грандиозную драму человеческого духа. Последующие поколения поэтов будут сравнивать эту поэму с источником – вечно свежим и вечно обновляемым: а Эдмунд Спенсер[4 - Эдмунд Спенсер (ок. 1552–1599) – выдающийся английский поэт эпохи Возрождения, старший современник У. Шекспира.] молил:

О, если б на меня хоть капля пролилась

Из родника, что бил в главе его ученой!

Итак, можно сказать, что Чосер стоял во главе, или у истоков, великой английской традиции. Г. К. Честертон однажды написал, что ему кажется удивительным, «как это Чосер оказался столь безошибочно английским писателем в те времена, когда и Англии-то еще почти не существовало в природе». Но, пожалуй, не так уж это и удивительно, раз речь идет о поэте, сумевшем определить или обобщить сам английский дух, о поэте, наделенном личной скромностью и широтой чувства, уважением к традиции и разносторонней изобретательностью. Перевод «Кентерберийских рассказов» на современный английский – это еще один способ доказать ведущую роль и бессмертие этой поэмы. Она способна рождаться вновь в каждом новом поколении.

Замечания к тексту

Законов перевода не существует. Нет и безусловных правил. За много веков предложено немало различных теорий перевода, но они имеют лишь ограниченную ценность. Кто может заранее решить, как именно следует перевести то или иное слово, как лучше всего передать смысл той или иной фразы? Если говорить о «Кентерберийских рассказах», то можно было бы последовать примеру Джона Драйдена, чей изобретательный и цветистый перевод «Рассказа Рыцаря» превратил эту поэму в настоящий конспект всего героического эпоса конца XVII века, выполненный рифмованными двустопами. Его вольный перевод был одним из лучших. Или, напротив, можно было бы взять за образец более строгий и верный оригиналу полный перевод «Кентерберийских рассказов» Невилла Когилла; он был впервые опубликован в 1951 году и с тех пор остается лучшим стихотворным переводом этой поэмы на

современный английский язык.

Но я предпочел пойти собственным путем. Ведь перевод способен стать формой раскрепощения – выпуская старинное сочинение на волю, в современный мир, можно вдохнуть в него новую жизнь. В течение веков «Кентерберийские рассказы» многократно по-разному толковались, да и переписывали их заново. Это пробный камень для всей английской словесности, а значит, к ним можно возвращаться и заново определять их место, по мере того как изменяются обстоятельства и культурные нормы. Поэтому я счел, что лучше всего справлюсь со своей задачей, если последую примеру самого Чосера, чей перевод части «Романа о Розе» (это лишь один из многочисленных примеров) оставался верен духу, пусть и не всегда букве, великого подлинника. По-видимому, он руководствовался в своей работе принципом вдохновенной импровизации, почитая единственным мерилom правды лишь собственный здравый смысл. Порой он близко следует оригиналу, а иной раз предлагает собственное, более ловкое, толкование, чтобы избежать нескладности в сомнительных местах. Он также вставляет кое-где замечания «в сторону» и комичные ремарки, желая таким образом приблизить читателя к жизненной сути французской поэмы. Он наделил «Роман о Розе» всей силой образного строя XIV века.

Разумеется, я писал прозу, а не стихи. Это обескураживающая, но вместе с тем и необходимая уступка современному миру, не терпящему длинных поэм. Однако переход от поэзии к прозе не столь уж пагубен. Ведь и прозаическим текстом можно передать некоторые черты, свойственные поэзии; можно и косвенно, даже почти подсознательно, вторить благозвучию и гармонии чосеровского стиха. Так, например, Аббатиса, прежде чем начать свой рассказ для пилигримов, просит божественной помощи:

My konnyng is so wayk, O blistful Queene,

For to declare thy grete worthynesse

That I ne may the weighte nat susteene;

But as a child of twelf month oold, or lesse,

That kan unnethes any word expresse,

Right so fare I, and therefore I yow preye,

Gydeþ my song that I shal of yow seye[5 - Царица благодатная! Я так Слаба, и знания мои некстати; Нести сей груз я не могу никак; Но вроде годовалого дитяти, Которое едва лепечет: «Мати!» — Вот так и я - стихи сказать спешу И в этом помощи твоей прошу. (Перевод Т. Поповой.)].

В своем переводе я передаю ее молитву так:

Моя ученость и мои знания столь слабы, о Пресвятая Дева, что я не в силах живописать твое милосердие и твою любовь. Твой свет слишком ярок для меня. Я припадаю к тебе, как малое дитя, которое едва умеет говорить. Составь же в стройный ряд мои бессвязные слова, которые я стану возносить во славу Тебе. Направь мою песнь.

Язык средневекового благочестия давно ушел в прошлое, но в поисках эквивалента я, возможно, сохранил здесь кое-что от поэзии подлинника. По крайней мере, к такой цели я стремился.

Разумеется, поэзия Чосера отнюдь не всегда проникнута набожным духом. «Кентерберийские рассказы», пожалуй, и прославились-то прежде всего своим соленым юмором, порой граничащим с откровенным похабством. Современный переводчик может сохранить скабресный дух оригинала, просто тщательно переписывая собственные слова Чосера. Язык секса, в отличие от языка молитвы, не так сильно изменился за прошедшие века. К тому же Чосера справедливо хвалят за прямоту и свежесть просторечного стиля. Он вполне поддается переводу. Вот один характерный отрывок из «Рассказа Монастырского капеллана», где повествуется о приключениях петуха по прозвищу Шантиклер:

And with that word he fley doun fro the beem,

Fo r it was day, and eke his hennes alle,

And with a chuk he gan hem for to calle,

Fo r he hadde founde a corn, lay in the yerd.

Real he was, he was namoore aferd.

He fethered Pertelote twenty tyme,

And trad hire eke as ofte, er it was pryme.

He looketh as it were a grym leoun,

And on his toos he rometh up and doun;

Hym deigned nat to sette his foot to grounde[б - Тут соскочил петух с своей насести,И все супруги с ним спорхнули вместе,И, чтоб не разбрелись далеко,Он начал звать хрипучим ко-ко-ко...Он выступал с осанкой горделивой,Звал Пертелот к себе нетерпеливо,И в шею ласково ее клевал,И раз до двадцати пяти топтал.Топорщил гриву, как свирепый лев,И кукарекал, надрывая зев.И, пыжась, он ходил лишь на когтях,Чтоб пяток не коснулись грязь и прах.(Перевод И. Кашкина.)].

Я перевел это так:

Сказав это, он слетел с жерди во двор. Светало. Квохча и кукарекая, он перебудил всех своих жен, чтобы полакомиться зерном, разбросанным по земле. Он был отважен. Он смотрелся владыкой двора. Он обнял крыльями Пертелот и овладел ею раз двадцать, не меньше, прежде чем солнце успело подняться повыше. Он походил на могучего льва. Он не семенил по двору, как обычная птица. Он важно расхаживал на цыпочках, словно собирался вспорхнуть ввысь.

Современный читатель, сопоставляя этот текст с подлинником Чосера, может не уловить, что «real» – это «royal» («королевский»), а «trad» («потоптал») – это эвфемизм для совокупления. Значение слова «pryme» – 6 часов утра – тоже, пожалуй, не столь очевидно. Необычность многих чосеровских выражений не собьет с толку филолога, но, безусловно, смутит или даже отпугнет рядового читателя. Есть тут и другие, более общие черты Средневековья, теперь уже безвозвратно утраченные. Подлинное благочестие той эпохи, наряду с ее страстью к пространным поучениям, отразилось в двух – самых длинных – рассказах Чосеровой поэмы. «Рассказ о Мелибее» и «Рассказ Священника» – это типично средневековые истории благочестивого содержания: первый представляет собой назидательный трактат о ценности терпения, а второй – затянутую проповедь о покаянии и о семи смертных грехах. Я не стал включать их сюда, полагая, что их отсутствие ни у кого не вызовет сожалений. «Рассказ Священника» замыкает собой «Кентерберийские рассказы», но, поместив

«Молитву Чосера» непосредственно после «Пролога Священника», я попытался таким образом создать собственный вариант подходящей концовки.

Я полагал, что моя задача заключается главным образом в том, чтобы облегчить восприятие поэмы, устранить явные препятствия к пониманию смысла, которые мешали бы в полной мере наслаждаться этими рассказами, и я попытался всевозможными средствами выразить и донести до читателя истинную суть подлинника. Надеюсь, мне удалось достичь поставленной цели.

Питер Акرويد

Кентерберийские рассказы

Общий пролог

Здесь начинается Книга Кентерберийских рассказов

Когда мягкие, нежные апрельские ливни орошают корни всего живого, освежая пересохшую землю, питая каждый саженец и каждый сеянец, тогда и род человеческий пробуждается с радостью и надеждой. Западный ветер выдувает из города все зловоние, а за городскими стенами в полях возрастают посевы. Как приятно после напрасной зимней поры вновь услышать на улице птичий гомон! Даже деревья – и те будто купаются в пении. Наступила пора обновления, пора общего выздоровления. Солнце уже наполовину прошло через созвездие Овна – такое время благоприятно для сухожилий и для сердца. Эта часть года – самая благоприятная для путешественников. Потому-то честной народ так и рвется пуститься в паломничество. Пилигримы отправляются к дальним берегам, в чужие города, стремясь припасть к благодатным мощам и святыням. А у нас, в Англии, многие совершают паломничество в Кентербери, к усыпальнице святого и блаженного мученика Фомы. Они стекаются туда из всех графств, чтобы исцелиться от недугов и обрести успокоение.

Так случилось, что в апреле я оказался в Саутуорке. Я остановился там в харчевне «Табард» и оттуда собирался отправиться в Кентербери, чтобы поклониться останкам святого. Однажды вечером в гостинице появилось еще двадцать девять путников – и, к моей великой радости, все они тоже оказались паломниками, направлявшимися в Кентербери. Они приехали из самых разных мест, и жизненные пути у них были разные, но цель сейчас у всех была одна. Гостиница была просторна и удобна, там каждому нашлось местечко, и вскоре мы все сдружились между собой. Мы вместе пили эль и вино и договорились, что в путь отправимся тоже вместе. Как это должно быть забавно – дружно ехать в такой веселой компании! Перед заходом солнца мы условились, что соберемся на рассвете следующего дня и отправимся в путь по паломнической дороге.

Однако, пока наше путешествие еще не началось, я хочу представить вам всех, кто составил нашу компанию. Если я опишу их звания и внешность, то, пожалуй, вы будете иметь какое-то представление и об их характерах. Ведь платье и общественное положение зачастую указывают на внутренние качества человека. Начну я с Рыцаря.

РЫЦАРЬ, как вы сами, наверное, догадываетесь, был человеком состоятельным и мужественным. С самого начала своего воинского поприща он сражался за правду и честь, за свободу и достоинство. Он выказал доблесть во многих землях; он побывал повсюду: и в христианском мире, и в басурманских странах, – и всюду его восхваляли за храбрость в бою. Он воевал в Александрии, когда этот город отбивали у турок; снискал высшие почести у всех рыцарей Пруссии; участвовал в набегах на Русь и на Литву. Он отличился в Гранаде, в Марокко и в Турции. Где он только не побывал в своих странствиях, где только не одерживал побед! Он сражался на пятнадцати войнах, бился на трех турнирах. Однако все эти подвиги совершал он не из тщеславия, а из любви к Христу. Его меч направляло благочестие. Себя он почитал лишь орудием Господа.

Потому-то, несмотря на свою славу бесстрашного храбреца, он оставался скромным и благоразумным. Мягкостью манер он походил скорее на девицу, никогда не божился и не сквернословил. Никогда никому не дерзил, не разговаривал свысока. То был сам цвет рыцарства, раскрывшийся в вешнюю пору года; то был истинный благородный герой. Видите, каков он собой? На нем были не латы, не броня, а плащ из грубой ткани, подобающий скорее монаху, нежели солдату; плащ совсем побурел от ржавчины – ведь рыцарь долго носил его под кольчугой. Ехал он на добром коне, но и тот не был увешан нарядными колокольцами или дорогими попонами. Это был конь, какой и положен простому

пилигриму. Рыцарь поведал мне, что недавно вернулся из похода, чтобы вновь принести обет верности. Потом он стал расспрашивать обо мне – откуда я сам и в каких краях бывал, – но я быстренько перевел разговор на другую тему.

С ним вместе путешествовал его сын, молодой СКВАЙР, оруженосец, крепкий и бодрый юноша, тоже мечтавший сделаться рыцарем. Росту он был среднего, зато силен и подвижен. Говорят, будто по волосам можно судить о здоровье человека; чем он мужественнее, тем гуще у него волосы. У сквайра плотные светлые кудри ниспадали на шею и рассыпались по плечам. Лет ему было около двадцати, а он уже успел поучаствовать в конных походах в Северной Франции. Там за короткое время он заслужил уважение своих товарищей, хотя на самом деле юноша мечтал произвести благоприятное впечатление на одну прекрасную даму. Я так и не узнал ее имени. Плащ сквайра был расшит цветами – белыми, красными и синими; казалось, на плечи себе он накинул целый цветущий луг. Он носил короткий камзол с широкими рукавами, подобавший людям его звания. Он отлично ездил верхом – легко и ловко, как прирожденный наездник. И всегда пел или играл на флейте. Он сочинял песни, а еще, как я узнал, умел биться на турнирах, писать, рисовать и танцевать. Все тонкости человеческого обхождения давались ему сами собой. Вокруг него всегда словно царил месяц май. У него имелась веская причина для приподнятого настроения: он был так страстно влюблен, что едва ли спал по ночам; он почти не смыкал глаз, словно соловей. Но при этом он никогда не забывал о хороших манерах. Его обучили всем правилам вежливого поведения, и за столом он любезно разрезал мясо для своего отца. Разговаривая со мной, он снимал шляпу; он не смотрел в землю, а глядел прямо мне в глаза, не размахивал руками и не шаркал ногами. Вот поистине хорошие манеры.

С Рыцарем ехал всего один слуга, ЙОМЕН, одетый, как и положено, в плащ зеленого сукна с капюшоном. Зеленый цвет символизирует преданность и служение.

К поясу у него был приторочен пучок стрел – острых и блестящих, изящно оперенных павлиньими перьями, а в руке он держал лук. Он умело ухаживал за своим снаряжением: оперение было опрятным, стрелы метко били в цель. Волосы его были коротко острижены, а смуглое лицо походило на копченый окорок. На правом боку у него был меч и небольшой щит, а руку защищала блестящая гарда. На левом боку он носил зачехленный кинжал с богато украшенной рукоятью и острейшим лезвием. То был молодой человек, в любой миг готовый к битве. Но на его плаще поблескивал серебряный значок с образом

святого Христофора – покровителя странников и лучников. Я догадался, что этот йомен, когда не носил воинского облачения, служил лесничим в поместьях Рыцаря. У его бедра с широкого зеленого пояса свисал охотничий рожок. «Я часто видел такие рожки в лесах и пущах», – сказал я ему. «Да, – ответил он, – мы трубим в них, чтобы поднять оленя». И поскакал прочь. Он не был охоч до болтовни.

Впереди него, конечно, ехала АББАТИСА. Это была образцовая монахиня, не кичившаяся чрезмерной набожностью. Она была скромна и дружелюбна и во время нашего путешествия то и дело поминала святого Элигия; поскольку этот святой считается покровителем лошадей и кузнецов, она, призывая его, должно быть, желала нам всем доброго пути и отменной скорости. Пожалуй, стоило спросить ее об этом. Звали ее мадам Эглантина, она благоухала розой эглантерией или жимолостью. Она превосходным голосом напевала молитвы, выразительно и звучно произнося слова божественной литургии. По-французски она говорила очень даже неплохо, хотя выговор ее больше отдавал Боу[7 - Намек на англо-нормандский выговор, который Аббатиса переняла, обучаясь французскому в бенедиктинском монастыре в Стратфорде-на-Боу (ныне Боу – район Восточного Лондона).], чем Парижем. Но кому какое дело, если мы не говорим по-французски точь-в-точь как сами французы? Они ведь нам больше не господа. Теперь даже в парламенте заговорили по-английски. За столом Аббатиса держалась лучше всех. У нее изо рта никогда не выпадали куски мяса, она не окунала руки в подливу по самый локоть, и ни одна капля этой подливы не падала ей на груди – да простит она меня за вольное слово. Губы она обтирала так опрятно, что после нее на краю кубка никогда не оставалось сальных пятен; она никогда не хватала с жадностью куски еды со стола. Она знала, что по застольным манерам можно судить об образе жизни человека. Иными словами, она превосходно держалась и в обращении со всеми была дружелюбна и мила. Она старательно подражала аристократичным манерам и всегда сохраняла достоинство; она считала, что вполне достойна уважения, и потому вправду его заслуживала.

В ее чуткости можно не сомневаться. Она была так сердобольна, что плакала всякий раз, как видела мышку в мышеловке, – от одного вида крови принималась она охать и стонать. Против устава своего ордена, она держала при себе маленьких собачек и кормила их жареным мясом, молоком и лучшим белым хлебом. Она глаз с них не спускала, боясь, как бы они не угодили под копыта лошади и как бы их не пнул с досады попутчик-пилигрим. Тогда бы, можно не сомневаться, она и вовсе изошла слезами. У нее ведь было такое доброе, отзывчивое сердце. Вы и сами наверняка видали аббатис, но эта дама была

поистине образцовой настоятельницей! Плат на ее голове был повязан так умело, что лицо можно было рассмотреть как нельзя лучше: правильный нос, глаза, сиявшие, как венецианское стекло, нежный ротик – мягкий и алый, будто вишня. Она оставила и лоб открытым – в знак искренности. Плащ на ней был сшит по фигуре и украшен тонкой вышивкой, а на запястье красовались коралловые четки с зелеными бусинами. И это было не единственное ее украшение. Еще был золотой браслет, увенчанный большой буквой «А», а под ней, буквами помельче, латинский девиз: «Amor vincit omnia» – «Любовь всё побеждает». Вероятно, речь шла о любви к Богу. Об этом я ее тоже позабыл спросить. Пожалуй, она относилась ко мне несколько настороженно – порой я ловил на себе ее озадаченный взгляд. Рядом с ней ехала монахиня, исполнявшая обязанности капеллана, и еще три церковнослужителя, о которых мне мало что удалось узнать. Это были обычные церковнослужители.

Еще с нами ехал МОНАХ – да какой статный! Он был одним из тех монахов, которые много разъезжают по делам за пределами монастыря, заключая сделки и договоры с мирянами, а с кем уж поведешься... Он любил, например, охоту. Он гордился крепостью тела и твердостью воли; из него мог бы получиться отличный аббат! У него имелась целая конюшня лошадей – коричневых, как осенние ягоды. Когда он ехал, то уздечка на его коне звенела так звонко, будто колокол, созывающий братию в часовню. Ему предписывалось следовать уставу Святого Бенедикта – под его началом находилась маленькая обитель бенедиктинцев, – но он находил правила этого ордена устарелыми да и вообще чересчур строгими; он предпочитал следовать канонам нынешнего дня – и жить, и пить в свое удовольствие. Любимым гостем на его столе был жирный лебедь. Он ни в грош не ставил набожный попрек, что, мол, охота и святость – две вещи несовместные, и насмеялся над старинной поговоркой о том, что монах без устава – что рыба без воды. Да и кому нужна вода, коль вдоволь эля и вина? Зачем ему ломать глаза в монастырской читальне, забивать себе голову разными словами да книжными премудростями? Зачем ему трудиться в поте лица, как завещал Блаженный Августин? Какая миру от этого польза? Пускай Августин сам и работает! Нет уж, наш монах был веселым наездником. Он держал борзых – быстролетных, как птицы. Он любил травить зайцев в монастырских угодьях. Да и выглядел он как охотник. Рукава его одежды были подбиты и оторочены мягким беличьим мехом – самым дорогим из подобных мехов. Капюшон у подбородка скрепляла большая золотая пряжка в форме сложного узла. Такая застежка тоже не из дешевых. Его лысина блестела, будто стеклянная; лицо рдело, словно смазанное маслом. То был прекрасный, пухлый образчик монаха, в отличном состоянии! Глаза его, очень яркие и юркие, посверкивали, как искорки, внезапно вылетевшие из печки под котлом. Он сам был словно огонь, словно

жизнь, этот сангвиник. По моему суждению, он и был самым лучшим прелатом – не то что какой-нибудь заморенный клирик, похожий на призрак! Ему, похоже, нравилось мое общество, или, вернее, в моем обществе он нравился сам себе. Он не приставал ко мне с расспросами о моей жизни и моих занятиях, и мне это было по душе.

Еще с нами ехал КАРМЕЛИТ. Он любил удовольствия и всякие увеселения, но, поскольку на него возлагалась обязанность собирать пожертвования, то он был еще и очень изворотлив. И хоть не слишком докучлив, но все же навязчив. Из всех четырех нищенствующих орденов его орден был самым падким до сплетен и до лести. Он помог устроить множество браков, и не раз – по причинам, о которых я умолчу, – сам оделял невест приданым. И вместе с тем, он был столпом веры. Его прекрасно знали все богатые землевладельцы в его округе, водил он знакомство и с почтенными дамами своего города. Он был облечен полномочиями исповедника – а значит, как сам он говорил, стоял много выше обычного викария: ведь он мог отпускать людям самые страшные грехи. Он выслушивал исповеди очень терпеливо, а об отпущении грехов говорил самым приятным голосом; покаяние он назначал самое умеренное – в особенности если кающийся грешник мог что-то пожертвовать в пользу его нищего ордена. Благослови меня, отче, ибо я согрешил и кошель мой сделался тяжек. Вот какие слова ласкали его слух больше всего. Ибо, как он говорит, есть ли лучшее доказательство покаяния, чем подаяние милостыни в пользу братии Господней? Много таких людей, кто страдает от своей вины и раскаяния, но они столь жестокосердны, что неспособны оплакивать свои грехи. Что ж – значит, вместо того, чтобы проливать слезы и возносить молитвы, такие люди должны жертвовать монахам серебро. Капюшон славного Кармелита был до отказа набит ножиками да булавками, которые он раздаривал хорошеньким женщинам; не знаю уж, получал ли он от них что-нибудь взамен. Я ведь только рассказчик. Я не могу сразу оказаться везде и повсюду. Могу лишь засвидетельствовать, что Кармелит обладал очень приятным голосом, хорошо пел и играл на цитре или лютне. Он лучше всех исполнял баллады. Помню, как он пел «Наш кот Грималкин». Превосходно пел. А когда играл на арфе и сам же пел, то глаза его поблескивали как звезды на зимнем небосводе в морозную ночь. Кожа у него была лилейно-белая, однако неженкой или трусом он не был: напротив, он был силен, как победитель в масленичных боях. Ему были знакомы все харчевни в каждом городе, все до одного содержатели гостиниц и кабатчицы; и, разумеется, с ними он проводил куда больше времени, чем с прокаженными и нищенками. Да и кто станет винить его за это? «Я ведь исповедник, – признавался мне он, – и такой сан не позволяет мне якшаться с разным сбродом. Это было бы просто непристойно, недостойно, да и невыгодно. Мне как-то легче

находить общий язык с богачами да с состоятельными купцами. Они и есть моя паства, их я и пасу, сэр». Итак, повсюду, где только можно было извлечь выгоду, он усердствовал, как мог, в скромности, любезности и добродетельности. Никто лучше него не умел собирать деньги. Даже бедная вдова, у которой и башмаков-то не было, а одно только доброе имя, – и та что-нибудь ему давала. Когда он стучался в небогатый дом и приветствовал хозяина своим *In principio*, [8 - В начале [было Слово] (лат.)] то без фартинга не уходил. В начале было Злато. В итоге его общий доход превышал доход ожидаемый. Что тут еще добавить? Он резвился, как щенок, в те дни, когда полюбовно разрешаются разные тяжбы, и всегда готов был примирить спорщиков. И в таких случаях он выглядел совсем не как монастырский затворник, одетый в потрепанную рясу, будто нищий школяр, – но скорее как магистр или даже сам Папа. Плащ на нем был из дорогой ткани, и Кармелит смотрелся в нем как колокол, только что вышедший из литейной мастерской. Он слегка шепелявил, но от этого его речь казалась только слаще. Как он сказал мне в первый вечер – «Храни ваш Гошподь». Да, я совсем забыл сказать: звали этого достойного брата Губертом.

В нашей веселой компании был КУПЕЦ с раздвоенной бородой. На нем было разноцветное платье – совсем как на играцах из мистерий; ехал он в высоком седле и оттуда свысока поглядывал на меня. На нем была фламандская бобровая шапка, по последней моде, и сапоги – очень красивые и очень дорогие. Когда он хотел высказаться, то тщательно и важно подбирал слова; он как будто постоянно взвешивал в уме: какую прибыль это принесет? Например, он уверял, что море между Англией и Голландией нужно охранять любой ценой. Он отлично разбирался в меновых сделках, как и можно было от него ожидать, да и, по совести говоря, этот почтенный господин был рассудителен во всех отношениях. Он так достойно обставлял дела, покупал и продавал, вел обмен или торговлю, что никто не мог бы угадать – в долгах он или нет. Что за примечательный человек! Впрочем, забавно – я так и не узнал его имени. Как-то не удосужился его спросить.

Был среди нас и СТУДЕНТ из Оксфордского университета. Он был – как мы с вами сказали бы – настоящим умником. Он долго изучал логику, но сильно в ней не продвинулся. Ехал он на заморенной кляче, которая, наверное, и седока своего в худобе обскакала; сам он был серьезный, сухопарый, со впалыми щеками. Доходной службы у него не было, да сам он был чересчур не от мира сего, чтобы подыскать себе теплое местечко; вот потому-то плащ у него был такой же дырявый, как и кошель. Но самому ему были куда дороже двадцать томов Аристотеля у изголовья, в переплетах красной или черной кожи, чем какие-нибудь богатые одежды или дорогие музыкальные инструменты. Он изучал

философию, но так и не нашел философского камня – золотишка в сундуках у него явно не водилось. Если кто из друзей ссужал или одарял его деньгами, Студент немедленно тратил их на книги да на учебу. Это был настоящий книжный червь! Он на коленях молился за тех, кто помогал ему платить за образование – а оно обходилось недешево, – и близко к сердцу принимал все ученые материи. Он никогда не болтал лишнего, а уж когда говорил, то очень осторожно и взвешенно, коротко и по существу, но с самыми возвышенными чувствами. Он любил порассуждать о нравственности и добродетелях. Свою речь он начинал, как принято у законников, словами: «Предположим, что...» Но из этих споров он узнавал, похоже, не больше, чем другие узнавали от него. «Хоть Аристотель друг, но истина дороже», – признался он мне однажды.

С нами был и ЮРИСТ, доктор права, ученейший и мудрейший, как то и подобает человеку такого высокого звания. Он консультировал своих клиентов на паперти собора Святого Павла, где и прославился своей рассудительностью и проницательностью. Он пользовался наибольшим почетом. Разумеется, я лишь передаю то, что слышал, но я и сам знаю, что он частенько заседал в судах присяжных, что разъезжают по всей стране; сам король выдал ему патентную грамоту, предоставив все судебные полномочия. За свои старания он получал ежегодный доход, да еще и вознаграждения от частных лиц; разбогатев, он купил себе землю – конечно же на началах абсолютного владения, или «безусловного права». Это из жаргона юристов. Я еще не видывал таких деловитых людей, как этот законник, хотя, сказать по правде, он больше старался выглядеть деловитым, чем заниматься какими-то делами. Всё-то он хлопотал да суетился. У него имелись все судебные ежегодники, писанные юридическим французским, так что он мог сверяться со всеми судебными случаями со времен Вильгельма Завоевателя. Тщательно изучая прецеденты, он умело составлял подходящие предписания для каждого нового случая; если бы он допустил ошибку, тогда иск сочли бы недействительным. Но он никогда не допускал ошибок. Он знал назубок все сокращения, уставы и реестры судебных предписаний. Каков он был собой? Конечно же, внешность его отвечала званию, как и у всех прочих людей. Он носил мантию зеленого сукна, отороченную черным ягненком и расшитую пурпурными и синими полосами; на голове у него была круглая шапочка из белого шелка. Словом, одевался он как лицо, облеченное властью. Но довольно о нем.

Ехал в нашей компании и ФРАНКЛИН – свободный, но не высокородный землевладелец. Борода у этого фригольдера была белая, будто маргаритка, а сам он был розовощеким – настоящий сангвиник. Иными словами, полон сил и вечно весел. По утрам он, по своему обыкновению, обмакивал кусочки белого

хлеба в красное вино; может быть, оттого и был он таким румяным. Он был истинным сыном Эпикура и полагал, что жизнь следует проводить во всевозможных радостях и удовольствиях. Он держался мнения, что чувственные наслаждения – вот цель всякого разумного человека. Таков был его секрет счастья. Соседей он принимал у себя как щедрый хозяин и поклонялся мощам святого Юлиана – покровителя путников. Хлеб и эль у него водились всегда отменного качества, да и винный погреб его никогда не пустовал. И на столе не переводилось жареное мясо. Подавали и печеных фазанов, и гусей, и дичь, и цыплят, и свинину. Рыбу у него готовили в зеленом соусе, куропаток жарили с имбирем, павлинов тушили в перечной подливке, лобстеров готовили в уксусе, жареных угрей подавали в сахаре, а скумбрию – в мятном соусе. Блюда менялись вместе с временами года, но изобилие оставалось неизменным. Дом прямо ломился от мяса и вина. У него и птичник имелся собственный, и пруд для рыбы. Поэтому еда у него была самая свежая, и запасы ее всегда пополнялись. Он бранил повара, если соусы получались недостаточно пряными и острыми, если не оказывалось наготове нужной утвари – крюков для мяса, шумовок и сковородок, ложек, плошек да пестиков. Стол у него накрывали в зале, и он никогда не пустовал. Но Франклин был не просто обжорой. Он заседал на слушаниях местного суда и много раз представлял свое графство в парламенте. Когда-то и шерифом побывал, и окружным ревизором. На поясе у него висел кинжал и шелковый кошелек – белый, как утреннее молоко. Никогда еще свет не видывал такого почтенного фригольдера. Я так прямо и сказал ему об этом – а он только рассмеялся. «Что ж, сэр, – ответил он, – я живу, ни от кого не таясь».

Были среди нас и другие достойные горожане. Я заметил ГАЛАНТЕРЕЙЩИКА, ПЛОТНИКА, ТКАЧА, КРАСИЛЬЩИКА и ГОБЕЛЕНЩИКА, и каждый был в костюме своего приходского братства. Это были славные цеховые ребята, в недавно пошитой одежде. Ножи у них были серебряные, а не какие-нибудь латунные, а пояса и кошельки – самой лучшей выделки. Таких горожан можно увидеть в зале собраний гильдии, где они восседают за высокими столами и приветствуют друг друга словами «Бог в помощь» и «С вами Божья милость». Каждый из них мог бы быть членом городского управления. У каждого было достаточно дохода и имущества, чтобы заседать в Ратуше. Да и жены их были бы очень тому рады и только ругали бы мужей, если бы те упустили такую возможность. Этим почтенным женщинам хотелось, чтобы их величали «мадам». Им нравилось в праздничные дни возглавлять процессии, отправлявшиеся к приходской церкви, они несли себя с достоинством, подобающим царственным особам.

Эти почтенные горожане наняли ПОВАРА и взяли его с собой в путешествие. Мне перепало кое-что с их стола – пудинг из цыпленка, сахарные косточки,

молоко, крутые яйца. Он приправлял еду имбирем и другими пряностями, названия которых, впрочем, хранил в секрете. Очень было вкусно! Он отлично разбирался и в лондонском пиве, умел и жарить хоть на вертеле, хоть в масле, и варить, и тушить. Он с одинаковой расторопностью мог и пирог испечь, и рагу приготовить. Одно только нехорошо: на ноге у него была большая уродливая язва, она сочилась гноем и сукровицей. Но его мусс из цыпленка был великолепен. Что ж – нельзя быть везучим во всем.

С нами ехал и ШКИПЕР, сам родом из западных краев. Думаю, он был из Девона, судя по его выговору, хотя наверняка не скажу. Ехал он на ломовой лошади и в седле держался как мог, но странствовать посуху было ему непривычно. Сухопутная мода тоже была ему чужда, потому на нем была накидка из грубошерстной ткани. На шейном шнурке у него болтался кинжал, словно в пути он ожидал встретить пиратов. Он весь как будто прокалился и прокоптился на летнем морском ветру. Но Шкипер был славный малый. Он частенько присасывался к бочкам с прекрасным бордо за спиной у купца и ничуть не страдал от укусов совести. Ведь груз на судне не является чем-то неприкосновенным. Его родной стихией было море. Он в совершенстве овладел всеми тонкостями обсервации и навигации; он умел предсказывать приливы, отливы и течения, был давно знаком со скрытыми опасностями пучины. Он лучше всех знал все бухты, все якорные стоянки от Халла до самого Карфагена; он умел определять положение луны и звезд без помощи астрологии. Он знал наперечет все гавани от Готланда до мыса Финистер, все узкие морские заливы что в Бретани, что в Испании.

Он рассказывал мне, что побывал на крайнем севере – в Исландии, плавал и в венецианские колонии на Крите и на Корфу. Он по привычке называл кровать «койкой», а попутчиков – «матросами». Борода у него поистрепалась от жизненных бурь, но он был вынослив и отважен. «Знаешь, по каким широким водам безопаснее всего ходить?» – спросил он меня как-то раз. «Вот уж не знаю». «По росе». Кстати, корабль его назывался «Магдалина».

Ехал с нами и ДОКТОР МЕДИЦИНЫ. Он лучше всех умел поразглагольствовать о врачевании, о хирургии. Он был живой иллюстрацией к старинной поговорке, что хороший врач – наполовину астроном. Да, он всё знал о влиянии звезд! Он рассказал мне, например, что созвездие Овна управляет нашей головой и всем ее содержимым; когда Луна находится в Овне, то он спокойно оперирует щеку или лоб пациента. Телец – знак, отвечающий за шею и горло. Яички, или тестикулы, или мошонка, или уд, явно помещаются в Скорпионе. Это меня

удивило. Я-то думал, им самое место между ног моей любовницы! Но не будем об этом. Я не люблю откровенничать. Так вот, врач этот знал причины всех хворей, зарождающихся в наших телесных жидкостях. Одни из них горячи, другие холодны; одни влажны, другие сухи. Но, увы, всё под Луной перемешано и перепутано. А затем он принялся рассуждать о гуморах. «Вы, – сообщил он мне, – по натуре меланхолик. И самую малость флегматик». Я и не знал, радоваться мне или тревожиться. Так или иначе, он был превосходным врачом. Как только он распознавал корень и причину любой болезни, сразу же назначал подходящее лекарство. Знакомые аптекари присылали ему нужные снадобья и целебные составы – так что и они, и он прекрасно зарабатывали. Голубиный помет – отличное средство от боли в ногах. А чем он лечит конвульсии? Шалфеем, как следует смешанным с испражнениями воробья, или малого ребенка, или собаки, которую кормят одними костями. Он был сведущ в учении Асклепия и прочих античных премудростях; он цитировал на память Галена, Аверроэса и Авиценну, да и еще многих других. Конечно, в писаниях Галена он был искушен куда больше, чем в Священном Писании. Зато что он проповедовал другим, то и к себе применял. Жизнь он вел весьма воздержанную, питался умеренно. Он говорил мне, что молоко помогает от меланхолии, а свежий имбирь улучшает память. Он носил одежду, какую обычно носят лекари: с меховым капюшоном, с вертикальными шелковыми полосками – красными и пурпурными. Но, вопреки своей внешности, он был весьма умерен в тратах. Он клал в копилку почти все, что зарабатывал врачебной практикой. Добрый Доктор обожал золото. Золото – вот снадобье от всех напастей. Нет в мире лучшего лекарства.

Была среди нас добрая женщина, БАТСКАЯ ТКАЧИХА. Эта искусная мастерица превосходила даже ткачей из Ипра и Гента. Жаль, что она была немножко глуховата. Еще, пожалуй, она была чуточку гордячка. Горе той прихожанке, что подходила к ящику для церковных подношений вперед нее: наша Ткачиха приходила в такой гнев, что все мысли о милостыне мигом улетучивались из ее головы. Льняные платки, которые она повязывала на голову, отправляясь на воскресную службу, были из самой лучшей ткани; наверное, иные из них весили фунтов десять, не меньше! На ней были ярко-красные чулки, туго перешнурованные, и мягкие кожаные башмаки, сшитые по последней моде. Лицо у нее тоже было красным, и глядела она очень бойко. Да и чему удивляться! Она пять раз венчалась в церкви, а уж сколько в юности у нее было интрижек – и не сосчитать. Теперь-то нет нужды о них вспоминать. Право же, то была почтенная женщина. Все вам подтвердят. Она ведь, как-никак, трижды паломничала в Иерусалим – сколько же морей ей довелось переплыть, и всё из благочестия! Она и в Риме побывала, и в Булони, и в Сантьяго-де-Компостела, и

даже в Кёльне, где приняли мученичество одиннадцать тысяч девственниц. Уж куда дальше паломничать! А она всё странствовала, всё скиталась по дальним дорогам. Говорят, будто редкозубые женщины вроде нее распутны, но за это я не поручусь. На лошади она сидела очень ловко. На голове у нее был красивый платок да поверх него шляпа – широкая, как мишень для стрельбы; вокруг ее полных бедер была верхняя юбка, а на башмаках – шпоры, на тот случай, если лошади придется не по нраву столь изрядный вес. Она была смешлива и со всеми дружелюбна. Ко мне она, похоже, прониклась особой симпатией, ей нравились истории об утраченной любви и злополучных влюбленных. Когда рассказывали одну такую повесть, она вдруг подалась ко мне и схватила меня за руку. Ей были знакомы такие игры. Говорили, что она мастерица танцевать. Вот я вам и описал Батскую Ткачиху.

Ехал с нами вместе и бедный СВЯЩЕННИК из маленького городка, очень хороший человек. Хоть за душой у него не было и гроша, богатство его заключалось в добрых помыслах и благих делах. Он был к тому же ученым мужем, клириком, проповедовал весть Христову самым преданным образом и преподавал своим прихожанам уроки благочестия. Он был милосерден и усерден; беды, как он не раз доказывал в пути, сносил терпеливо. Он отказывался отлучать от церкви кого-либо из паствы, если тот не мог уплатить ему десятину; да скорее бы он раздал ту малость, что имел сам, беднякам из своего прихода. Он не получал больших доходов, не брал себе ничего с блюда для приношений, но довольствовался малым. У него был большой приход, иные дома находились ох как далеко, но ни дождь, ни гроза не мешали ему посещать своих прихожан, когда тех постигала беда или нужда. Он брал свой крепкий посох и шагал в самые отдаленные уголки прихода, неся свое благословение и богачам и беднякам. Он служил лучшим примером для паствы. Вначале действуй, а потом уж проповедуй. Добрые дела куда полезней добрых слов. Он вычитал это из Евангелия, но и от себя кое-что добавил: если уж золото начнет ржаветь – чего тогда ждать от железа? Коли священнослужитель будет порочен – что тогда будет с мирянами, вверенными его опеке? Ведь это же стыд для духовенства, если овцы будут чисты, а пастухи – паршивы! Жизнь священника должна служить знаком, указующим путь на небеса. Только тогда прихожане будут следовать его добродетельному примеру. Потому-то он и не отдавал на откуп свое место. Не хотел бросать своих овечек в трясине, чтобы самому сбежать в Лондон и там искать себе синекуру где-нибудь в гильдиях или при часовнях. Нет! Он оставался дома и оберегал свою паству от грозных волков – от грехов и жадности. Он был истинным пастырем, а не каким-нибудь церковным наймитом. Но, хоть сам он был человек праведный и добродетельный, он не обдавал грешников презрением, не отшатывался от них с отвращением; в беседе

он не выказывал презрения или высокомерия, всегда оставался благожелательным и учтивым. Ему хотелось привести людей к Богу с помощью добрых слов и благих дел. Неужели вы думаете, повторял он, что на небеса можно попасть одним прыжком? Он не был так уж благосклонен к мужчинам и женщинам, которые упорствовали в грехах. Он отчитывал их суровыми словами, невзирая на их земное звание. «Бесплодное зерно, – говорил он одному из них, – называют глухим зерном. Гнилой орех называют глухим орехом. Ты – глухой человек». Думаю, лучшего священника и не найти. Он никогда не ожидал особенного почтения или благоговения от тех, кого встречал, и не кичился собственной совестью. Он просто проповедовал и сам соблюдал слово Христово и благовест апостолов. Он был любимцем Божиим. Я до того преклонялся перед ним, что почти не в силах был с ним заговорить.

С ним вместе ехал его брат, ПАХАРЬ, который на своем веку перетаскал кучу телег с навозом. Это был добрый и верный труженик, живший в мире и согласии с ближними. Превыше всего он любил Бога, хотя собственная его жизнь была порой сурова и полна тягот, а еще он любил ближнего, как самого себя. Из любви к Христу он молотил сено или рыл канавы для какого-нибудь пропащего бедняка, которому нечем было даже заплатить ему. Десятину он выплачивал исправно и вовремя, отмеряя ее и от заработка, и от имущества. На нем была грубая рабочая одежда, ехал он верхом на кобыле.

Другими паломниками были МАЖОРДОМ и МЕЛЬНИК, ПРИСТАВ церковного суда и ПРОДАВЕЦ ИНДУЛЬГЕНЦИЙ, ЭКОНОМ и, наконец, Я САМ. Наверное, вам приятно услышать, что больше никого не было. Иначе бы мой рассказ растянулся до бесконечности.

МЕЛЬНИК был дородный мужчина. У него были крепкие мышцы и крепкие кости. Видать, и костный мозг у него был покрепче того, что в голове. Изрядный драчун, он всегда выносил из кулачных боев награду победителя – барана. Кряжистый и коренастый, с бычьей шеей, он любую дверь мог с петель своротить и наверняка бы преуспел в той игре, в какую играют лондонские подмастерья – она зовется «вышибаем двери головой». Борода у него была красная, как вымя у свиноматки или как лисий хвост, да такая широкая, что сошла бы за лопату. На носу у него красовалась большущая бородавка, а из нее росла щетина, будто из свиного уха. Ноздри – здоровущие, что ямы, а рот – не меньше котла. На боку у него висел меч и маленький щит. Ко мне он, похоже, проникся недоверием или неприязнью – когда глядел на меня, то прищуривался. Это немного сбивало с толку. Ну, а я зато почитал его шутком гороховым. Он

вечно рассказывал грязные байки про шлюх и прочих грешников. Уж меня-то точно в этом никто не станет винить! Он умел воровать зерно из мешков и драть втридорога за помол. По правде говоря, я ни разу в жизни не встречал честного мельника. Он был одет в белый плащ с синим капюшоном. Когда мы выехали за пределы города, он достал волынку и немного поиграл на ней.

Ехал среди паломников и ЭКОНОМ, работавший на судейскую школу «Иннер-темпл». Я и сам проучился там недолгое время, и мы с ним обменивались анекдотами о школярах-законниках. Вскоре, впрочем, я обнаружил, что он чрезвычайно ловок в закупках товаров и провизии. Он говорил мне, что всё годится – и наличные и кредит, лишь бы покупатель был дальновиден и умел дожидаться нужного часа. «Кузнец ведь кует, пока горячо», – говорил он мне. Мне показалось, это отличная поговорка. Надо бы ее запомнить получше. И не верный ли пример Господней благодати – то, что такой неуч обогнал в премудрости всех ученых голованов из «Иннер-темпла»? Над ним ведь было тридцать мастеров, уж куда как искушенных в делах закона. Из них дюжина или больше накопили такой опыт, что могли бы управлять землями и доходами любого английского лорда, так что – будь при них мозги – жили бы они на славу и долгов бы не знали. Их познаний хватило бы, чтобы управлять целым графством и упасти его от любых бед и опасностей. То-то оно и смешно! Ведь неученый Эконом всегда умел их всех обставить. Ну, не скажу, что он их надувал, однако же, как говорится, во многих делах он обводил их вокруг пальца.

МАЖОРДОМ был худым человеком, холериком. Бороду он брил, а волосы носил остриженные вокруг ушей, как у священника. Ноги у него были длинные и тощие – ни дать ни взять палки! Икр как будто вовсе не было. Зато он был превосходным управляющим поместья: амбары у него всегда были полнехонькие, закрома ломились от припасов. Еще ни один ревизор не поймал его с поличным. По тому, много ли дней прошло от дождей до засухи, он умел предсказать, каков будет урожай семян и зерна. Этот Мажордом имел под полным надзором всю скотину своего хозяина-помещика – и коров, и овец, и свиней, и лошадей, и домашнюю птицу. Он, наверно, и червяками там заправлял! Он поступил на службу к своему господину, когда тому стукнуло двадцать, и с тех пор вел его хозяйство и ведал счетами. И плательщиком был исправным. Он наизусть знал все уловки управляющих фермами, все отговорки, какие припасены у пастухов и у слуг. Все они боялись его как чумы. У него имелся милый домик на вересковой пустоши, окруженный тенистыми деревьями. Пожалуй, он мог бы купить себе именице побольше того, что было у его господина помещика, – ведь он втихаря столько деньжищ скопил! Он

наловчился обворовывать своего хозяина, а затем наворованное ему же и продавать. Так он одним махом стяжал и похвалу и награду. Он лучше всех в Англии умел втирать очки. В юности ему хватило разума овладеть хорошим ремеслом, и он стал подмастерьем у плотника. Ехал он на крепком коне, сером в яблоках, по кличке Шотландец. Одет Мажордом был в длиннополый плащ из темно-синей ткани, перетянутый в поясе. На боку – ржавый меч. Но ему и не нужно было ни с кем сражаться. С миром он оставался в мире. Он поведал мне, что живет в Норфолке, близ городка Болдсуэлл. Но я про такой и не слыхивал. Он пояснил, что это недалеко от Нориджа. Но и это мало что мне говорило. Да, вот еще что забыл я сказать: он всегда ехал в нашей кавалькаде самым последним.

Еще с нами, увы, ехал ЦЕРКОВНЫЙ ПРИСТАВ. Личико у него было как у огненного херувима – всё в прыщах. Распухшие веки дополняли этот премилый портрет. Он был вспыльчив и похотлив что лондонский воробушек из пословицы. С бровей свисали струпья, а борода линяла целыми клочьями. Чего тут удивляться, что от него детишки шарахались в страхе! Его уродливые гнойнички ничем нельзя было вывести, никакими снадобьями и мазями – ни ртуть их не брала, ни сера, ни винный камень, ни свинцовые белила, ни бура. Они облепляли его щеки, точно устричные раковины. Может, прыщи у него от кормежки вскочили? Он любил лук, чеснок и порей, а ведь они, известное дело, питают горькие гуморы; вино пил красное, самое крепкое, какое мог раздобыть, а уж когда захмелеет – так принимался языком чесать и кричать как сумасшедший. «Все вы – трескуны и пустозвоны!» – заявил он как-то. И при этом на меня уставился. А уж когда он вдрызг напивался, то изъяснялся на чистой латыни, и однажды вечером вот какую старинную песенку нам спел:

Nos vagabunduli,

Laeti, jucunduli,

Tara, tarantare, teino[9 - А мы, бродяжечки, Веселы от бражечки, Тра-ля-ля-ла (лат.).].

Он знал два-три латинских выражения, затверженные из какого-то церковного судебника. «Сейчас я вам покажу, – говорил он, – dispositio, expositio и conclusio». Таковую-то латынь он и пускал в ход, когда созывал горожан на церковные суды и на местные заседания присяжных. Он все эти словечки заучил назубок. Ну, да всем нам известно, что попка-дурак умеет выговорить «здрасьте» не хуже Папы Римского! А вот если кто пытался копнуть чуть глубже – тут-то его кладезь

учености и иссякал. Он только выкрикивал: *Quaestio quid juris?* – что означает: «На какую статью закона вы ссылаетесь?» Вот и все. Иными словами, он был изрядным шутком, хотя кое-кто божился, что у него-де доброе сердце. За кварту вина, например, он уступал свою любовницу на год какому-нибудь пройдохе, после чего отпускал ему все грехи. Он втихаря проворачивал темные делишки и еще кое-что кое-где проворачивал, если вы понимаете, о чем я. Если же заставлял другого негодяя *in flagrante*[10 - На месте преступления (лат.)], то советовал ему не обращать внимания ни на проклятье архидиакона, ни на угрозу отлучения от церкви. Если душа человека находилась у него в кошельке, только тогда она испытывала терзания: ведь по-настоящему страдал один кошелек. «Кошель, – поучал он, – вот Ад для архидиакона». В этом конечно же он был совершенно неправ. Всякому, кто виноват, должно страшиться последствий отлучения, а отпущение грехов – вот единственное спасение для человеческой души. А еще злодеям надлежит помнить о том предписании, что обрекает отлученного от церкви сидеть в тюремной камерке. Все юные девицы епархии пребывали под присмотром этого Церковного Пристава; он знал все их тайны, оставался единственным их советчиком. На голове у него был венок из зелени – такие гирлянды вешают над дверьми таверн. А щит он себе сделал из круглого карава. Я же говорил – это был шут гороховый.

С ним рядышком ехал ПРОДАВЕЦ ИНДУЛЬГЕНЦИЙ, который служил при больнице Святого Антония, что на Чаринг-Кросс. Он явился прямиком от папского двора, из Рима, где получил привилегию торговать отпущениями и индульгенциями. Отныне ему разрешалось ходить всюду с посохом, обвязанным красной тряпицей, и распевать:

Светишь ярче ты огня,

Velut maris stella[11 - Как звезда морская (лат.)],

Ярче света, жарче дня,

Parens et puella[12 - Родительница и девушка (лат.)].

Пристав подпевал ему мощным басом, так что вдвоем шумели они громче любой трубы. Патлы у этого Продавца Индульгенций, желтые, как старый воск, липли к его плечам и спине, что мотки льна; они были совсем жидкие и сбивались в пучки и комья. Это были крысиные хвостики, а не волосы. Они еще и потому так бросались в глаза, что он ничем не желал их прикрывать. Капюшон казался ему старомодным предметом, и он таскал его в дорожном ранце. А вот так, с

непокрытой головой – если не считать маленькой круглой шапочки из фетра, – он казался себе сущим модником. Глаза у него были как у зайца – большие и пугливые. К его шерстяной хламиде было пришито семь деревянных крестиков да еще образков с ликом Спаса – тем, что запечатлелся на плате святой Вероники. Его дорожный ранец, который он держал на коленях, был набит папскими отпущениями: свеженький товар, с пылу с жару из самого Рима! «Если раскаявшийся грешник подойдет ко мне и купит индульгенцию, – говорил он мне, – я отпущу ему грехи. А если кто-нибудь пожертвует семь шиллингов святому Антонию, я продам ему отпущение на семьсот лет вперед!» Я сообщил ему, что у меня денег едва на дорогу наскребется. Голосок у него был тоненький, как у козы. Бороду он то ли не отпускал, то ли она не росла у него вовсе. Подбородок его был гладким, как девичий задок. Он был то ли евнухом, то ли педерастом – попросту говоря, то ли скопцом, то ли мужеложцем. В подробности я не вдавался. Но на роль Продавца индульгенций вполне годился. В суме у него была какая-то наволочка – по его словам, покрывало Богоматери. Еще у него имелся кусочек паруса с лодки святого Петра. И медный крест с простыми камушками, который он называл драгоценным распятым из Брюгге. В стеклянной раке он вез свиные кости – послушать его, так это были чудотворные мощи: коли опустить их в хоть какой колодец, то вода из этого колодца будет исцелять любые хвори. Так он утверждал. Кости эти и впрямь творили чудеса, но только иного рода. Если встречался Продавцу глупый деревенский поп, то он вытягивал из простофили больше денег, чем сам поп зарабатывал за два месяца. Вот так, притворством, лестью и мошенничеством, он дурачил и попу, и простой народ. Одно за ним водилось достоинство. Справедливо будет сказать, что в церкви он заметно выделялся – ни дать ни взять, образцовый церковнослужитель нашего времени! Он зачитывал во время службы куски из литургии, а главное – зычно, со вкусом выводил оффертории. Он-то знал, что, когда допоеет песнопения, ему придется проповедовать да так играть голосом, чтобы выцыганить побольше серебра из конгрегации. Поэтому и петь он старался погромче да повеселее. Его прозвали «погремушкой дьявола».

Вот я и закончил – правдиво и, надеюсь, кратко – описывать звания, характер и наружность всех моих попутчиков-пилигримов. Теперь вы знаете, сколько их было. Знаете, как они собрались все вместе в Саутуорке. Я уже рассказал вам, что все они остановились на ночлег в прекрасной таверне, которая называется «Табард», неподалеку от «Колокола». Тут, в Саутуорке, все харчевни стоят близко друг к другу. А теперь пришла пора поведать вам, как мы провели тот первый вечер, – после того как прибыли в гостиницу. Лишь потом я начну описывать, как мы пустились в путь и как паломничали. Я сделаюсь вашими глазами и ушами. Иной цели у меня нет. Но для начала я попрошу вас – из

уважения к моим чувствам – не вменять мне зловердных или подлых помыслов, если я без околичностей передаю, что они говорили и как выглядели. Не держите на меня зла, если я передаю их речи целиком. Ведь сами знаете: уж если мне охота передать чужой рассказ, то я запишу всё как есть, слово в слово, как сам слышал. И у меня есть хороший пример: Христос ведь в Евангелии тоже говорил без околичностей, а его еще никто не обвинял в грубости. Вот и я, в меру своих способностей, берусь передать в точности все беседы и рассказы паломников, какими бы нелепыми или неприличными они ни были. Иначе мой рассказ будет неточным. Это будет просто выдумка! И никого из моих персонажей не пощажу, будь он мне хоть брат родной. Персонажей? Да нет же – это люди. Живые люди. И я сохраню для вас слова этих живых людей. Я хочу, чтоб вы услышали их голоса, как если бы сами ехали с нами рядышком. Те из вас, кто читал Платона, наверняка помнят его изречение: «Слово должно приходиться двоюродным братом делу». У меня есть еще одна просьба. Надеюсь, вы простите меня, если я не стану представлять вам людей в том порядке, в котором они стоят на лестнице сословий и званий. Можете приписать это моей природной глупости. Ладно, хватит пустой болтовни.

ТРАКТИРЩИК всех нас развлекал на славу и ужин на стол подал превосходный. В кабаке только и слышались крики: «Чашник, налей вина!» да «Еще кувшинчик!» Хозяин потчевал нас отличной рыбой и мясом; вино у него было крепкое и для питья хорошее. Набравшись по воротник, мы все сошлись на том, что наш хозяин – большой симпатяга. Из него бы вышел отличный церемониймейстер на любом публичном празднестве. Это был здоровяк с блестящими глазами. Во всем Чипсайде не найти горожанина учтивее него! В речах он был очень прям, хотя и бросалось в глаза, что он проникателен и неплохо образован. Уж не знаю, что за школу он посещал. Но, так или иначе, он по всем статьям был человек порядочный. И весельчак к тому же: после ужина принялся забавлять нас разными историями. Он не сомневался, что в пути мы не соскучимся, а когда все мы расплатились за ужин, то обратился к нам с такими словами:

– А теперь, мои добрые дамы и господа, я всех вас приглашаю пожаловать в мою гостиницу. Должен признаться, что никогда еще под моей кровлей не собиралась такая веселая компания. Если я могу вас еще как-нибудь развлечь, то охотно это сделаю. С превеликой радостью. Да, вот, к слову сказать, есть одна мыслишка у меня на уме – как сделать ваше странствие еще легче и приятнее. Выслушайте же меня. Это не будет вам стоить ни гроша. Как всем нам известно, вы направляетесь в Кентербери, где святой Фома, да благословит его Господь, без сомнения, вознаградит вас за ваше благочестие. А я всей душой желаю вам провести время в радости, рассказывая друг другу различные

повести и истории. Это ведь только естественно! Ну что это за забава, что за утешение – ехать всем вместе, да при этом молчать как истуканы. Потому-то я и делюсь с вами этой затеей. Вам же будет веселее. И если все вы согласитесь со мной и вступите в игру, которую я для вас придумал, то клянусь вам душою моего отца, что завтра же, в первый день пути, вас ждет превеликое развлечение. Ну же, прошу вас, не мешкайте – поднимите руки в знак того, что принимаете мое предложение!

Мы недолго думали. Да и что тут было раздумывать? Так что, без лишних пререканий, подняли руки и согласились с приглашением Хозяина. Конечно же, нам пришлось спросить: а в чем именно заключается его затея?

– Итак, милые дамы и милые господа, – отвечал он, – вот в чем суть моего предложения. Отнеситесь к нему со всей душой. Не поднимайте меня на смех. Предложение мое, сам признаюсь, необычно, но ничего такого уж диковинного в нем нет.

– Ну же, рассказывайте, – сказал Эконом, – а то мы уже от нетерпения сгораем.

– Ну, если говорить коротко, вот что у меня на уме. По пути в Кентербери каждый из вас расскажет по две истории. Как всякий путешественник по опыту знает, разговоры помогают скоротать дорогу. А потом, на пути обратно в Лондон, каждый паломник расскажет еще по две истории.

– Какие же такие истории? – строгим голосом спросила Аббатиса.

– Какие угодно, мадам. Например, жития святых. Повести о старинных битвах и приключениях. А вот еще одно мое предложение. Тот паломник, чей рассказ все признают самым лучшим, в награду получит бесплатный ужин, за который вскладчину раскошелятся остальные. Здесь вот, в «Табарде», когда вы вернетесь. Ну, что скажете?

– А что значит – лучший? – спросил тут Мельник. Выражение лица у него было угрожающим. Я только и ждал от него беды.

– Это может быть самый серьезный рассказ. А может, самый смешной. Или самый приятный. Уж как получится. Знаете что? Затеей моей так хороша, что я не в силах оставаться в стороне. Завтра утром я поеду вместе с вами. Я сам оплачу

свои дорожные расходы, а вам буду проводником. Ведь никто из вас не знает дороги. А всякий, кто станет со мной спорить или пререкаться, заплатит мне штраф. Такому человеку придется взять на себя все расходы, связанные с путешествием. Все всё поняли? Возражения есть? Тогда я приготовлюсь к словесному пиршеству.

Мы приняли его предложение и принесли клятву, что во всем будем его слушаться. Потом мы спросили его: не согласится ли он не только нашим проводником стать, но и во всем у нас верховодить? Он, разумеется, рассудит, насколько хороши наши истории, но пускай уж будет арбитром и в менее важных делах, вроде цены наших ужинов. Мы во всем будем послушны его решениям. Итак, выразив шумное одобрение, мы назначили его нашим вожаком. Потом принесли вина, и, пропустив еще чарку-другую, мы без лишних понуканий отправились спать. Впрочем, мы оставались веселы. Завтрашний день был, как говорится, еще нетронутым пирогом.

А потом наступило утро. С первыми рассветными лучами Трактирщик выскочил из своей спальни и разбудил каждого из нас. Потом собрал всех вместе во дворе харчевни и неспешно вывел нашу компанию из Саутуорка. Пройдя милю или две, мы достигли ручья в том месте, что известно как Воды Святого Фомы; ручей этот служит границей для городских вольностей. Тут Хозяин придержал коня и обратился к нам с речью:

– Дамы и господа, или, вернее сказать, братья и сестры по паломничеству! Надеюсь, все вы помните наш уговор. Я тоже хорошо его помню. Не сомневаюсь – никто из вас не передумал. Или я не прав? Вот и хорошо. Ну, как вы думаете – кто первый должен рассказывать историю? Мы уговорились, что распорядиться всем буду я. А тот, кто вздумает со мной пререкаться, из своего кармана оплатит все наши расходы. Если я что-то перепутал – то, вот вам крест, никогда больше не буду пить! Лучше всего, пока мы здесь, тянуть жребий: кто вытащит самую короткую палочку, тот и начнет рассказывать.

Мы спешили и встали в круг. В середине стоял Хозяин, в кулаке он зажал целый букет из палочек.

– Сэр Рыцарь, – сказал он, – господин мой и повелитель, вы будете первым тянуть жребий.

Рыцарь выступил вперед, изящно выказывая повиновение, и вытащил палочку.

– Теперь, госпожа Аббатиса, – проговорил Хозяин, – не соблаговолите ли подойти ко мне ближе? И вы, господин Студент, отбросьте смущение. Уж вам ли бояться жеребьевки! А остальные пускай подходят по очереди.

И вот каждый из нас вытянул свой жребий. Был ли то знак судьбы, или Провидение, или простая случайность, но вышло так, что Рыцарю и досталась самая короткая палочка. Все мы обрадовались такой удаче. Ведь это давало нам отсрочку, чтобы получше обдумать свои собственные истории. Первый должен быть храбрейшим. Теперь Рыцарю придется что-нибудь рассказать. Таков уговор. Так или иначе, он был не из тех людей, кто нарушает обещание.

– Итак, – начал он, – мне суждено начать игру. Клянусь Господом, я рад этому, так как всегда радовался всем благородным вызовам на поединок. Не угодно ли вам выступить в путь и выслушать мой рассказ?

Итак, мы оседлали коней и пересекли ручей. В тех краях это называется «перейти границу у реки». Затем Рыцарь, сохраняя на лице своем спокойное и любезное выражение, приступил к рассказу. И вот что он поведал.

Рассказ Рыцаря

Здесь начинается рассказ Рыцаря

Часть первая

– Во время оно, как говорится в старинных сказках, жил-был герцог, и звали его Тесей. Он был царем и правителем знаменитых Афин и еще при жизни прославился как непобедимый завоеватель. Не было под солнцем никого блистательнее его. Он уже покорил множество богатых царств. Благодаря

своему полководческому мастерству и силе оружия, он завоевал страну амазонок, ранее называвшуюся Скифией, и сыграл свадьбу с их царицей Ипполитой. С великим торжеством и гордостью привез он на родину свою добычу – невесту. Привез и ее младшую сестру – Эмилию, которая станет героиней этого рассказа. Итак, на время я оставлю Тесея на его победном параде. Вы сами можете все это представить. Войска маршируют стройными рядами. ПОМПА. МУЗЫКА. КРИКИ «УРА!». Повозки везут трофеи. Да, славное зрелище, что и говорить!

Конечно, будь у меня больше времени, я бы с удовольствием поведал вам подробнее о той победе, которую Тесей одержал над амазонками. Рыцари ведь любят поговорить о войне. Что за сражение это было! Как бы мне хотелось рассказать вам об ожесточенной битве между афинянами и амазонками! О том, как Тесей брал штурмом – и в прямом, и в переносном смысле – вспыльчивую красавицу Ипполиту. Я с удовольствием описал бы вам их славный свадебный пир, а потом, во всех подробностях, – и ужасы той бури, которая грозила потопить корабли афинян, возвращавшихся на родину. Но куда там – на все это не хватит отведенного мне времени. Видит Бог, передо мной расстилается обширное поле, ждущее пахаря, а волы, запряженные в мой плуг, – увы, не самые могучие животные. Да и сам рассказ впереди достаточно длинный. Я не стану зря задерживать своих милых спутников. Ведь каждому предстоит в свой черед поведать собственную историю. А потом мы узнаем, кто заслужил ужин. Так на чем я остановился?

Ах да. Герцог Тесей! Ну, так вот. Когда во всем блеске славы он уже приближался к Афинам со своей невестой, то заметил, что у главной дороги стоят на коленях, в два ряда, какие-то женщины, все в черном. Они пронзительно кричали, рыдали и били себя в грудь. Никто, наверное, никогда не слышал таких жалобных стенаний. Они не прекратили стенать, пока им не удалось схватить за поводья герцогского коня. Конечно, Тесей очень рассердился.

«Кто вы такие, – спросил он, – что омрачаете своими слезами и воплями мое победное возвращение?»

Уж не завидуете ли вы моему почету, раз орете тут как ошпаренные кошки? Или, может быть, вас кто-нибудь обидел? Кто причинил вам зло? Я постараюсь вам помочь, если это в моих силах. И почему, скажите мне, вы все вырядились в черное? Отвечайте!»

Тут самая старшая из дам упала в обморок. Она была такая бледная, что даже Тесей ее пожалел. Впрочем, вскоре она пришла в себя, изящно поднялась и ответила ему:

«Мой добрый господин, которому улыбнулась Госпожа Фортуна! Мы вовсе не завидуем твоему успеху и не рыдаем о твоих победах. Как мог ты такое подумать! Но мы молим тебя о милости и о помощи. Устыдись нашего горя и нашего несчастья! Пролей хоть слезинку из сострадания к нам, бедным женщинам. Выкажи нам доброту. Быть может, мы заслужили право на твое внимание. Нет среди нас ни одной, что не была бы прежде герцогиней или царицей. А теперь мы влачим жалкое существование, нас совсем источило горе. Госпожа Фортуна обошла нас стороной. Так уж повернулось ее колесо. Нет в мире такой радости, которая не могла бы обратиться в печаль. Вот потому-то мы поджидаем тебя здесь, в храме богини жалости, уже две недели. Пожалуйста, помоги нам, благородный герцог. Дай нам силы».

«Да кто же вы, мадам?»

«Сейчас я всего лишь несчастная женщина, а когда-то была женой царя Капанея. Он был одним из тех семерых, кто осаждал Фивы. Но там, у городских ворот, он упал, сраженный намертво молнией Зевса. Это был самый злосчастный день моей жизни. Быть может, ты слышал и мое имя – Эвадна. Все эти женщины, которые рыдают здесь рядом со мной, тоже потеряли мужей при осаде Фив. А старик Креонт – нынешний царь Фив – пышет злобой и гневом. Да нет, какой он царь! Он – просто тиран Фив. Этот злобный сердцем тиран, этот узурпатор осквернил тела наших погибших мужей. Он велел сорвать с них доспехи и свалить в кучу. Он не позволяет ни сжечь, ни похоронить трупы. Они уже стали добычей псов и падальщиков».

Тут женщина снова испустила вопль и ударила себя в грудь.

«Пожалей же нас, – воскликнула тут другая. – Мы, несчастные женщины, молим тебя о помощи. Да тронет наша печаль и твое сердце!»

Благородный властитель Тесей спешил. Его сердце и впрямь дрогнуло при виде такого горестного отчаяния. Как! Чтобы женщины столь высокого звания оказались низвергнуты в такую бездну страдания и унижения! Нет, сердце его не могло вынести такого зрелища. Ведь оставлять мертвых без погребения –

настоящее кощунство! Да, в те стародавние времена чрезвычайно чтили воинские обычаи. Тесей обнял дам, всех по очереди, и как мог попытался утешить их. А потом принес клятву как добрый и истинный рыцарь...

- В точности как вы, - вставил тут Трактирщик.

Рыцарь пропустил мимо ушей это замечание.

Тесей поклялся так жестоко отомстить Креонту, чтобы весь народ Греции единодушно признал: да, тиран понес заслуженную кару, и его постигла быстрая гибель от рук афинского правителя. Такую клятву он принес. И в тот же миг, без малейшего промедления, он вскочил на своего скакуна, развернул знамя и повел войско на город Фивы. Он дал обет не возвращаться в Афины, пока не разгромит Креонта, и медлить не стал. Он лишь распорядился отправить в Афины, во дворец, свою новобрачную, Ипполиту, и ее младшую сестру, красавицу Эмилию. Между тем свою первую брачную ночь он провел не на супружеском ложе, а в седле, в пути. Что тут еще сказать!

Его войско блистало оружием в полях под Фивами. На Тесеевом огромном белом стяге был красными нитями вышит Марс - бог войны и владыка сражений - с высоко поднятыми копьем и щитом. А рядом развевался флажок Тесея, хитроумно затканый золотом, с изображением головы Минотавра, убитого им в критском лабиринте. Смерть всем чудовищам! Так скакал герцог, так странствовал завоеватель, окруженный цветом рыцарства. Во всем величии явился он к воротам Фив и спешил там; а затем выстроил отряды своих воинов в поле, где намеревался сражаться.

Я не стану смущать дам подробным отчетом о битве. Буду краток. В сражении Тесей убил Креонта по всем рыцарским правилам честного боя, а войско его обратил в бегство. Затем он взял штурмом город и сровнял с землей его стены: ни единой балки, ни единого стропила не осталось на месте. Это была справедливая кара. Он вернул дамам трупы убитых мужей, хотя от них уже мало что осталось: одни кости. Что ж, теперь хотя бы погребальные обряды можно было совершить с подобающими почестями. Было бы слишком мучительно описывать, как рыдали, вопили и стенали несчастные дамы, когда останки их мужей сжигали на погребальных кострах. Довольно будет сказать, что Тесей, доблестный завоеватель, оказал всем этим женам великий почет и должное уважение, а те потом отправились по домам, кто куда.

Тесей, убив Креонта и захватив Фивы, остался со своим войском на бранном поле. Ведь работа была еще не закончена: требовалось навести порядок во вновь завоеванном царстве. Да и убитых еще предстояло ограбить. На земле громоздились трупы убитых фиванцев, и афиняне принялись дотошно срывать с них доспехи и одежду. Грабители усердно выполняли эту работу, тщательно обыскивая всех павших в битве, чтобы не пропустить чего-нибудь ценного. И вот тут-то происходит новый поворот в моей повести. Среди груды убитых афиняне обнаружили двух юных рыцарей, лежавших рядышком, словно и в сражении они доблестно бились вместе, бок о бок. У них были одинаковые геральдические эмблемы и богато изукрашенные доспехи. Оба, тяжело раненные, были ни живы ни мертвы. Одного рыцаря звали Архитой, другого – Паламоном. Вы наверняка о них слышали.

Афинские герольды изучили гербы на их щитах и объявили, что эти двое юношей – кузены, члены королевской фамилии и настоящие фиванские аристократы. Поэтому солдаты осторожно извлекли их из кучи мертвых тел и бережно перенесли в шатер Тесея. И тогда благородный герцог возвестил, что этих юношей следует заключить в афинскую темницу, где они проведут остаток жизни, не имея ни малейшей надежды на освобождение. За них не станут требовать никакого выкупа. И вот, покончив со своими славными трудами, Тесей увел войско с места сражения и поскакал домой, в Афины, с лавровым венком победы на голове. Там он и живет до сих пор, в почете и в довольстве. Счастью его нет конца. Что тут еще добавить? Однако давайте обратим взор к темничной башне. Там, в душевных терзаниях и в горе, прозябают Паламон и Архита. Там суждено им провести в страданиях остаток дней. Какой бы великий выкуп за них ни предложили, им никогда не видать воли.

Итак, все в мире шло своим чередом, день проходил за днем и год пролетал за годом, пока в одно прекрасное майское утро все вдруг не переменялось. В то весеннее утро Эмилия поднялась с постели – Эмилия, сестра королевы, та, что была прекраснее лилии на зеленом стебле, свежее первых майских цветов, милее розы, чей цвет не может сравниться с ее румянцем, – так вот, говорю я, Эмилия поднялась до зари и приготовилась встречать день прежде, чем взошло солнце. Месяц май не терпит ночного лентяйства. Он тормозит каждое благородное сердце и пробуждает душу словами: «Вставай же! Ступай, отдай дань весне». И потому Эмилия вышла почтить май – пору весны и возрождения. Она надела желто-зеленое платье. Ее светлые волосы, ниспадавшие до талии, были заплетены в косы и уложены вдоль спины. При восходе солнца она прогуливалась по саду, разбитому возле замка, и собирала красные, белые и пестрые цветы, чтобы сплести себе замысловатый венок на голову. Срывая

сирень и фиалки, она пела ангельским голосом. Однако за этим садом, обнесенным стеной, находилась та самая темная башня, где томились в заточении Паламон и Архита. Это была главная башня замка, и стены ее были толще и крепче, чем у любой другой тюрьмы, сколько их ни есть на свете. Так рай и ад – пение Эмилии и томление двух рыцарей – вдруг оказались совсем рядом друг с другом.

Солнце уже вовсю светило, воздух был кристально чист, когда Паламон поднялся со своего соломенного тюфяка. С позволения тюремщика, этот печальный рыцарь занимал верхнюю каморку башни, откуда открывался вид на Афины. Виден ему был и сад, расстилавшийся внизу, где в зеленом одеянии весны продолжала прогуливаться блистательная Эмилия. Но Паламон еще не видел ее. Он расхаживал взад и вперед, меряя шагами жалкую, тесную каморку, и оплакивал свою участь. «Увы мне! – шептал он сам себе. – О, лучше бы мне никогда не родиться!»

Но вот он случайно взглянул в сад сквозь толстые железные прутья решетки на оконце. Его взгляд упал на Эмилию, которая гуляла внизу. В тот же миг он побледнел и воскликнул: «Ах!», словно в сердце ему вонзилась колючка. Его возглас пробудил Архиту – тот очнулся от сна и спросил Паламона, что его так расстроило.

«Кузен, – так обратился он к нему, – ты стал бледен, как мертвец. Чем ты встревожен? Ты выглядишь больным. Отчего ты внезапно так вскрикнул? Кто тебя обидел? Ради бога, не кляни так сурово судьбу за наше заточение. Мы должны вооружиться терпением. Таков рок. У нас нет выбора. Мы подпали под губительное влияние Сатурна, мы повинемся вращению сфер и не в силах избежать предначертанной нам участи. Как говорит пословица? „Кто по горло в воде, тому только плыть остается“. Так уж судили небеса в тот день, когда мы родились на свет. Мы должны стойко нести свое бремя».

Паламон, качая головой, отвечал брату:

«Кузен, ты неверно истолковал знаки моей скорби. Я вскричал вовсе не оттого, что опечален нашим заточением. Новая пытка проникла мне в сердце, войдя через глаза, и теперь она наверняка убьет меня. Я опечалился из-за нее. Из-за той, что с цветами. Там, внизу. – Он снова приблизился к оконцу и взглянул на Эмилию. – Красота дамы, которую я вижу, той, что прогуливается по саду замка, и стала причиной моей великой боли и моих стенаний. Я даже не могу сказать,

кто она – смертная женщина или богиня. Могу лишь догадываться, что это сама Венера, сошедшая на землю».

Тут он упал на колени и принялся молиться вслух:

«О Венера, великая богиня, если такова твоя воля – явиться в этом саду передо мною, злосчастливым созданием, то умоляю тебя: вызволи нас из этой мрачной темницы. А если уж такова моя судьба – томиться в заточении по изволению богов, то обрати свой благосклонный взор хотя бы на моих родных, унижаемых тираном».

А пока он молился, Архита подошел к оконцу и тоже увидел Эмилию, гулявшую по саду. Ее красота поразила и его, но если Паламона можно было назвать раненым, то Архита чуть не погиб на месте.

«Эта совершенная красота, вид этого чуда в саду внезапно убил меня. Если я не добьюсь ее жалости и милости, если мне не будет позволено хотя бы видеть ее, то можно считать меня мертвецом. Больше мне нечего добавить».

Услышав его жалобы, Паламон разгневался:

«Ты говоришь это серьезно? Или шутишь?»

«Я серьезен как никогда. Да поможет мне Бог, у меня нет причин для потехи».

«Но разве ты не знаешь, ведь это бесчестно – совершать коварство и предательство по отношению к своему кузену! – Говоря это Архите, Паламон нахмурился. – Мы ведь оба принесли нерушимую клятву, что никогда не перейдем друг другу дорогу в любви, что каждый из нас будет стремиться к общему для нас благу. Мы оба поклялись, что скорее погибнем под пытками, чем станем врагами или будем мешать друг другу. Что будем преданы друг другу до тех пор, пока смерть нас не разлучит. Я клялся в этом. Думаю, и ты тоже. Вряд ли ты станешь отпираться. А теперь – что же это такое происходит? Тебе ведь известно о моей любви к той даме в саду – но тебе вдруг тоже вздумалось стать ее воздыхателем. Нет уж! Я буду любить ее и служить ей до самого дня моей смерти. Не ты, Архита, нет – я! Клянусь в этом! Я первый ее полюбил. Я доверил тебе свою тайну, я поделился с тобой своей печалью. И ты, мой названный брат, связан со мной клятвой, ты должен во всем помогать мне. Иначе ты прослышь»

лживым, клятвопреступным рыцарем!»

Архита, возгордившись, заносчиво отвечал ему:

«Это ты прослывешь вероломным рыцарем, Паламон. Я первым ее полюбил».

«Да что это ты такое говоришь?»

«Ты только на себя посмотри! Ты ведь до сих пор не в силах понять, кто она – богиня или смертная! Ты тронут любовью к богине, а меня сжигает страсть к смертной женщине. Потому-то я и признался в своих чувствах тебе – моему брату и кузену. Предположим даже, что ты полюбил ее первым. Что же скажут нам ученые мужи? Когда любовь сильна, любовь не ведает закона. Сама любовь – суверенная владычица. Земные правила уже не идут здесь в счет. Влюбленные нарушают их каждый день. Мужчина одержим любовью, даже если сам этому не рад. Он не может убежать от любви, даже если это стоит ему жизни. Он может полюбить девицу, вдовицу или замужнюю женщину. Это не важно. Любовь – это закон самой жизни. Как бы то ни было, ни у тебя, ни у меня все равно нет никакой возможности завоевать ее благосклонность. Ведь ты прекрасно знаешь, что мы оба обречены на пожизненное заключение в этой камерке, и даже на выкуп нет никакой надежды. Мы с тобой – как те два пса из Эзоповой басни, что перегрызлись из-за одной кости. Они дрались целый день, и все зря, пока не прилетел коршун и не похитил их добычу. А значит, мы должны вести себя как вельможи при короле. Каждый – сам за себя. Ты не согласен? Повторяю тебе: я буду любить ее вечно. Ты тоже можешь любить ее, если хочешь. Тут нечего больше сказать, нечего и поделать. Мы ведь останемся в этой тюрьме навеки – и будем сносить любую участь, какая нам уготована».

Будь у меня больше времени, я бы подробнее рассказал вам о бесконечных спорах и вражде, вспыхнувших между ними. Но буду краток и не стану отклоняться в сторону. Случилось однажды так, что в Афины прибыл почтенный герцог Пирифой, царь лапифов. Он был близким другом Тесея с детских лет, и вот явился в город навестить давнего приятеля; никого в мире он не любил так крепко, как Тесея, и тот отвечал Пирифою взаимностью. Всякий, кто читал старинные книги, знает об этом. Однажды, когда Тесей умер, Пирифой спустился в ад, чтобы вызволить друга. Что делал Тесей в аду? Эту часть истории я не знаю. Вернемся, с вашего позволения, к моему рассказу: должен вам заметить, что этот Пирифой некогда был любовником Архиты. И вот, выполняя просьбу и искреннее желание друга, Тесей велел выпустить Архиту из

темницы безо всякого выкупа. Архите позволялось отправиться куда ему заблагорассудится, но освобождался он при одном условии: по уговору, если Архиту застигнут и поймают на афинской земле, то ему немедленно отрубят голову. Под каким бы предлогом, в какое бы время он сюда ни прокрался – его ждет казнь. Что же делать Архите? Покинуть Афины и вернуться в Фивы – что же еще? Это был самый безопасный путь. Но теперь ему следовало всего опасаться: отныне его голова оказалась в закладе.

На самом же деле он страдал еще пуще прежнего. Он испытывал смертные муки. Он плакал, он стонал, он скулил, он сетовал. Он втайне искал случая покончить с собой.

«Увы мне! – восклицал он. – Зачем я только родился на свет! Отныне моя темница еще мрачнее и безотраднее, чем тюремная камера. Теперь мне приходится сносить все пытки ада, тогда как ранее я пребывал в чистилище. Лучше бы я никогда не знал Пирифоя! Тогда я пребывал бы сейчас в блаженстве, а не в горе. Ибо тогда, пускай в цепях и в заключении, я мог бы наслаждаться созерцанием моей обожаемой возлюбленной. Пусть я никогда не снискал бы ее милостей, но мог бы хоть изредка видеть ее. Ах, Паламон, милый мой кузен, тебе досталась пальмовая ветвь победы! Ты можешь сносить все тяготы заточения. Сносить? Нет, наслаждаться ими! По сравнению со мной ты – в раю. Фортуна повернулась к тебе лицом. Ты будешь созерцать ее, а я сделаюсь слеп. А раз ты наделен благом ее столь близкого присутствия, то, как знать, быть может, ты, достойный и красивый рыцарь, когда-нибудь и достигнешь цели, к коей столь пылко стремишься. Фортуна ведь вечно вращается, как колесо. Но я, живя в бесплодной ссылке, не могу ожидать подобной благодати. Я лишен всякой надежды, я пребываю в толиком отчаянии, что никто на свете не смог бы утешить меня. Никто – ни огненная, ни земная, ни водяная, ни воздушная тварь не уймёт моей боли. Итак, мне суждено жить и умереть в несчастье и безнадежности. Я должен навеки распрощаться с радостью и счастьем».

Он разразился слезами, а потом снова принялся сетовать:

«Отчего многие люди жалуются на Провидение и на решения Господа Бога, если та судьба, что их постигает, гораздо лучше той, какую они едва ли способны вообразить? Одни алчут богатства, но достигают его ценой собственного здоровья или даже самой жизни. Другие мечтают вырваться из тюрьмы на волю (как некогда мечтал и я), а, выйдя, погибают от рук собственной родни. В надежде, в тщеславии кроется бесконечная угроза. Мы не знаем, каков будет

ответ на наши молитвы. Мы походим на пьяницу, который, шатаясь, бредет по улицам: он знает, что где-то у него есть дом, но никак не может вспомнить название улицы. Он долго плутает, и все напрасно. Так и мы блуждаем в этом грешном мире. Мы ищем свое счастье в каждом переулке и закоулке, но очень часто сбиваемся с пути. Все с этим согласятся. И кому, как не мне, знать, сколь это верно! Ведь еще недавно я верил, что освобождение из тюрьмы станет для меня высшим благом. О, как я ошибался! Теперь же я лишен малейшей надежды на счастье. Раз я больше не смогу лицезреть тебя, Эмилия, то я все равно что мертвец. Можно ли добавить жара огню, или радости – раю, или боли – аду? Мне больше нечего сказать». – Он умолк, сел и опустил голову.

Но вернемся в тюремную камеру, где по-прежнему томился Паламон. После внезапного ухода Архиты он принялся рыдать, охваченный тоской и отчаянием. Темная башня оглашалась его скорбными воплями. Цепи, сковавшие его ноги и орошенные горько-солеными слезами, сделались мокрыми и блестящими.

«Увы, Архита! – восклицал он. – Ты одержал победу в нашем состязании! Ты ведь теперь упиваешься свободой в нашем родном городе. К чему тебе вспоминать обо мне, о моих страданиях? Я знаю – ты ведь доблестен. Я знаю: ты ведь умен. Вполне возможно, ты соберешь нашу родню и пойдешь на Афины войной, а потом благодаря своей отваге, – а может быть, и благодаря договору с Тесеем, – ты получишь руку моей Эмилии. Но я скорее расстанусь с собственной жизнью, чем с нею! Ты же теперь волен бродить где хочешь. Ты избавлен от заключения. И ты – знатный государь. Для меня же все иначе. Я заперт в темнице. Я обречен плакать и вопить до конца своих дней, должен терпеть все горести тюремной жизни. Но нет горести более тяжелой, чем боль неразделенной любви.

А значит, мне предстоит терпеть двойные муки на этой грешной земле».

Так он стонал, лежа на каменном полу своей темницы, и на него напал такой острый, такой внезапный приступ ревности, что сердце у него болезненно сжалось. Ревность окутала его, словно безумие. Он побелел, как молоко, – нет, хуже: побледнел, как кора мертвого ясеня.

И снова принялся громко рыдать.

«О жестокие боги, правящие этим миром, вы, что связываете его вечными решениями, начертанными на пластинах из несокрушимой стали! Что для вас –

род человеческий? Разве люди значат для вас больше, чем овцы и бараны, теснящиеся в загонах? Люди ведь тоже обречены на смерть, как и любой полевой скот. Люди тоже живут в неволе, в заключении. Люди страдают от болезней и прочих напастей, даже когда они ни в чем не повинны. Но что за слава для вас – в том, чтобы так немилосердно наказывать род людской? Какая вам польза от вашего предвидения, если оно только терзает невинных и карает праведных? В чем смысл вашей прозорливости? И вот еще что возмущает меня. Люди должны выполнять свой долг и, во имя богов, сдерживать себя, не позволяя себе утолять все свои желания. Они должны придерживаться определенных правил, дабы спасти свои души, – тогда как неразумные овцы попадают прямиком во тьму небытия. Ни одно животное не терпит мук после смерти. А вот мы даже после кончины обречены по-прежнему плакать и рыдать, хотя и так уже наша земная жизнь была полна страданий. Разве это справедливо? Разве это похвально? Наверное, ответ на этот вопрос могли бы дать богословы, но мне все это хорошо известно. Мир полон горя. Я видел, как змея жалила неосторожного путника, а потом уползала прочь. Я видел, как вор грабил свою жертву, а потом уходил – никем не пойманный, невредимый. А я должен прозябать здесь, в темнице. Воистину, боги в их завистливой ярости против моего народа уничтожили почти всю мою родню и сровняли с землей стены Фив! А теперь еще и Венера вознамерилась погубить меня, отравив мою душу ревностью к Архите. Куда же мне деваться?»

Теперь я на время оставлю Паламона в его беде, а вам пока расскажу о том, что происходило с Архитой. Лето миновало, и удлинившиеся ночи лишь продлевали его муки. По правде сказать, я и сам не знаю, кто из них двоих претерпевал горшие мучения – выпущенный на свободу влюбленный или узник. Позвольте же мне подытожить их положение. Вот Паламон: осужден на пожизненное заключение и обречен остаток своих дней провести в цепях и кандалах. Вот Архита: навеки изгнан из Афин под страхом смертной казни, навсегда лишен права лицезреть прекрасную Эмилию. К вам, влюбленные, я обращаю свой вопрос: кому из них тяжелее? Один может изо дня в день видеть изредка свою обворожительную возлюбленную, но никогда не сможет приблизиться к ней. Второй волен, как ветер, может странствовать по свету, но никогда больше не должен видеть Эмилию. Поразмыслите же. Поломайте над этим голову. Мысленно поместите эти две фигуры на шахматную доску. А я тем временем продолжу свой рассказ, чтобы мы узнали, что было дальше.

Часть вторая

Когда Архита наконец возвратился в Фивы, он начал чахнуть и хиреть. Он все время твердил одно-единственное слово: «Увы!» Мы знаем, что было тому причиной. Добавлю лишь, что ни одно живое существо на земле никогда так не страдало и не будет так ужасно страдать, как он. Он не мог спать. Он не мог ни есть, ни пить. Он исхудал и отощал, сделался сухим и хрупким, как жердь; глаза его ввалились, цвет лица стал болезненно-желтым, словно от желтухи. Он превратился в настоящее страшилище. И все время был один. Он искал одиночества, как раненый зверь. Он плакал ночи напролет, а если слышал звуки лиры или лютни, то бурно заливался слезами и долго не мог успокоиться. Он совсем пал духом, его манеры так изменились, что никто здесь не узнавал ни его самого, ни его голоса. Он вел себя дико, безумно. Казалось, он страдает не от любовного наваждения, а от отчаяния, вызванного гуморами черной желчи – меланхолии; его поразило в передний желудочек мозга – то место, где гнездится воображение. А потому в уме Архиты все перевернулось вверх дном. Все шаталось и рушилось. Нет даже смысла описывать его отчаяние во всех подробностях.

После двух лет такой жизни в Фивах, проведенной в печали и скорби, однажды ночью, во сне, ему явился Меркурий. Крылатый бог с жезлом сна в руке встал у его изголовья и велел ему воспрянуть духом. На голове могущественного бога, поверх золотых волос, был серебряный шлем, украшенный крыльями. В этом обличье он усыпил стоглазого Аргуса, когда явился украсть Ио. И он сказал Архите (или так тому померещилось): «Ты должен сейчас же отправиться в Афины. Там прекратятся все твои мучения». И в тот же миг Архита проснулся, как от толчка.

«Во что бы то ни стало, – сказал он, – пускай даже под страхом смерти, я осуществлю свою мечту и отправлюсь в Афины. Немедленно. И ничто, никто меня не остановит. Я снова увижу мою госпожу. Я буду рядом с ней, пусть даже погибну у нее на глазах. Тогда и смерть будет отраднее».

Затем он взял большое зеркало и увидел, как переменилась его внешность. Он стал таким изнуренным, изможденным, что едва сам себя узнал. А потом к нему явилось вдохновение. Вдохновлял ли его сам Меркурий – не могу сказать. Он понял, что страдания и хвори настолько ослабили его, что в Афинах его никто не узнает. Если он будет осторожен и благоразумен, то может прожить там остаток дней – и власти его не обнаружат. Тогда он сможет каждый день видеть Эмилию. Какое чудесное будущее! И Архита радостно засобирался. Он

переоделся, облачившись в рубище бедняка-работяги. Единственным спутником Архиты был его сквайр-оруженосец. Этот молодой человек знал от начала до конца историю его бедствий, но охотно согласился сопровождать его. Сквайр тоже переоделся в лохмотья бедняка.

На следующий день они вдвоем отправились в Афины. Прибыв туда, Архита сразу же пошел ко дворцу Тесея, встал у больших ворот и начал предлагать свои услуги всем проходящим. Он брался выполнять любую черную работу – таскать воду, носить тяжести, делать все что угодно, лишь бы оказаться поближе к Эмилии. В конце концов удача улыбнулась ему, и он получил работу в доме управляющего, который служил как раз у его прекрасной дамы. Он высматривал и выжидал, пользуясь каждым случаем хоть издали увидеть ее. Он ловко рубил дрова и без усталости таскал бочки с водой. Он был силен – у него были крупные кости и крепкие мышцы. Он исполнял любую работу, которую от него требовали. Он был ревностен и неутомим. Вот так, постепенно, он сделался личным слугой самой госпожи Эмилии. Какое же имя он взял себе? Все звали его Филостратом.

Ни одного человека не уважали больше, чем его. Он был так благороден, так скромнен в обхождении, что слава о нем разошлась по всему королевскому двору. Все в один голос говорили, что со стороны Тесея было бы милостью найти Филострату более почетную должность, на которой его исключительные добродетели могли бы раскрыться еще полнее. Так прославился он своими добрыми деяниями и красноречием. Сам Тесей прислушался к этой молве. И что же? Он сделал его сквайром своей опочивальни и отсыпал ему столько золота, сколько требовал его новый чин. Но был у Архиты и другой источник золота. Он ведь получал ежегодный доход со своих земельных владений в Фивах. Его доставляли Архите втайне, частным порядком, посредники из его родного города, и они вели себя так осмотрительно, что никто в Афинах ничего не заподозрил. Сам Архита тоже вел себя мудро – избегал лишних трат, чреватых сплетнями. Так он провел еще три года. Он трудился так усердно – и в мире, и на войне, – что Тесей ставил его выше всех других вельмож. Теперь я оставлю на некоторое время Архиту и расскажу о Паламоне.

О боже, какая бездна разделяла теперь братьев! Пока Архита благоденствовал, Паламон пребывал в аду. Вот уже семь лет томился он во тьме и отчаянии, в темной башне, в оковах, изнуренный страданиями и исполненный печали. Он переносил двойные муки: ведь неразделенная любовь к Эмилии усиливала муки заточения. Ему никогда не суждено выйти за стены тюремной камеры. Никогда не преклонить перед ней колен, не обратиться к ней свои речи. Он был близок к

помешательству. Кто взялся бы живописать простым английским языком все его мучения? Я не берусь. Поэтому, если не возражаете, я поведу свой рассказ дальше.

– Да вы не торопитесь! – сказал тут Рыцарю наш Хозяин. – Ведь сегодняшней день – первый. Он останется ярким в нашей памяти.

– Благодарю. Но мне нужно продолжать рассказ.

На седьмом году заточения – это было третьего мая, если быть точным, – колесо Фортуны повернулось и к Паламону. Такая дата, во всяком случае, приводится в старинных книгах, а им, пожалуй, стоит доверять больше, нежели мне. Я безыскусный рассказчик. Была ли то удача или судьба – если вообще есть между ними какая-нибудь разница, – ведь когда что-то должно случиться, то оно случится непременно – так я, по крайней мере, думаю. Как бы то ни было, рок судил, чтобы третьего мая, вскоре после полуночи, Паламон совершил побег из темницы при пособничестве одного своего друга. И вот как он это устроил. Он угостил тюремщика стаканом сладкого пряного вина, куда было подмешано наркотическое зелье и лучший фиванский опиум; эти добавки возымели желаемое действие, и тюремщик уснул так крепко, что никто не мог бы пробудить его. Так Паламон бежал из Афин. Он помчался во весь опор. Однако весенняя ночь чересчур коротка – и на рассвете он решил укрыться в ближайшем лесу; он затаился там, боясь, как бы его не обнаружили. Он собирался провести там весь день, прячась в густой тени больших деревьев, а с наступлением новой ночи возобновить бегство в Фивы. Достигнув родного города, он намеревался собрать своих друзей и убедить их пойти войной на Афины. Или он погибнет в сражении, или завоюет Эмилию и женится на ней. Третьего пути нет.

Теперь, если позволите, я вернусь к Архите. Этот несчастный и не догадывался о том, что ему уготовано. Отныне Фортуна сделалась его противницей. Фортуна расставила ему сети. Всем ведь известно, что час холода сводит на нет семь лет зноя.

Проворный жаворонок, вестник дня, запел, приветствуя рождение дня. И солнца шар, поднявшись над землей, восток любовно омывал зарей. Земля купалась радостно в лучах, а росный бисер на листочках чах. Такая утренняя поэзия приветствовала Архиту, сквайра королевской опочивальни, когда он поднялся с постели. Он решил воздать дань маю, вдохновляясь своей страстью к Эмили;

потому он вскочил на своего пылкого скакуна и отъехал от города на две или три мили. Там простирались открытые поля, где можно и порезвиться, и отдохнуть. И так случилось, что он поскакал как раз к той роще, где прятался Паламон. Там он сплел себе гирлянду из ветвей и листьев жимолости и боярышника и, увенчав себя, купаясь в солнечных лучах, радостно запел приветственную песню:

«О май с цветами и в зеленом наряде листвы, привет тебе! Привет тебе, прекраснейший и самый свежий месяц! Пусть мне по праву достанется эта зеленая гирлянда!»

Он спешил и, пребывая в отличном настроении, пошел по тропинке, которая вела в глубь леса. Куда же вела его эта тропа? Она вела его прямо туда, в гущу деревьев, где скрывался, опасаясь за свою жизнь, Паламон. Он и понятия не имел, что Архита сейчас находится так близко. Видит Бог, это и впрямь невероятное совпадение! Но есть ведь старинная поговорка, много раз доказанная: «У полей есть глаза и у лесов есть уши». Всем вам надлежит вести себя мудро, потому что вы никогда не знаете, с кем встретитесь. Жизнь полна неожиданностей. Итак, Паламон даже не подозревал, что голос, который он сейчас слышит, – это голос Архиты. Он просто лежал, затаившись, в тенистой роще.

Архита же распевал во всю глотку, блуждая среди лесных деревьев и кустарников. Потом вдруг остановился и задумался, как это часто делают влюбленные. Ведь бывает такое, что влюбленный только что любовался цветами – и вот уже лезет в колючки. Он то взлетает ввысь, то падает вниз – словно ведро в колодце. Пятница – Венерин день – тоже меняет обличья: то солнечно, то вдруг пасмурно. Пятница не похожа на другие дни недели. Так и сама Венера вытворяет странные, непредсказуемые штуки со своими почитателями.

Так и Архита, напевшись, затосковал. Он уселся на ствол поваленного дерева и принялся горевать.

«Увы мне, – стонал он, – зачем я только родился на белый свет? Сколько же еще, о жестокая и безжалостная Юнона, ты будешь длить свою войну против Фив? Царская кровь Кадма и Амфиона, основателей Фив, давно уже и пролита, и разбрызгана. Кадм был первым царем Фив. Я – его прямой потомок. Но что же случилось со мной? Ведь я теперь влачу жизнь раба или пленника, служа сквайром во дворце самого заклятого врага нашего города. Но Юноне и этого мало – она

насылает на меня новый позор: я никому не осмеливаюсь открыть свое имя. Я никому не могу признаться, что я – благородный Архита. Я вынужден скрываться под именем ничтожного Филострата. О Юнона и твой беспощадный сын, Марс, – это вы двое погубили моих родных и близких. Выжили только я да Паламон, который ныне осужден Тесеем на мученичество пожизненного заточения. Да ведь и я сам – мученик. Я мученик любви. Любовь пронзила мне сердце своей стрелой. Мое сердце погибло раньше, чем окончилась моя жизнь. Я убежден: такая судьба была мне предначертана еще до моего рождения. Меня бесповоротно сгубили глаза Эмилии. Они – подтверждение моей смерти. Ничто в мире больше не имеет для меня значения. Все прочее мне безразлично. Ах, Эмилия, если б я только мог служить тебе!»

И с этими словами он упал на землю ничком и долго пролежал так, прежде чем снова встал на ноги.

Паламон, спрятавшийся совсем близко, слышал каждое слово любовных стенаний Архиты. У него было такое чувство, словно ему в сердце всадили меч, холодный как лед. Он весь трясся от гнева. Он больше не мог таиться в укрытии. И вот он, словно безумец, бледный как смерть, выскочил из чащи с криком:

«Архита! Архита! Злодей Архита! Подлый предатель Архита! Я поймал тебя! Ты называешь себя поклонником моей госпожи, Эмилии, ради которой я перенес столько страданий и боли. Ты – мой родственник и соратник, как я напоминал тебе много раз, – и что же ты натворил? Ты обманул Тесея. Ты жил при его дворе под чужим именем. Нет, ты не поступишь нечестно с Эмилией! Я – единственный, кто может и кто будет любить ее вечно. Да! Одному из нас придется умереть. Считай Паламона своим злейшим врагом. И пускай у меня нет оружия из-за того, что я по счастливой случайности только что бежал из тюрьмы, – что за дело! Ты или умрешь, или отречешься от своей любви к Эмилии. Выбирай, что тебе больше по душе. Иначе ты никогда не выйдешь из этого леса».

Тогда Архита, пылая гневом, обнажил меч. Он был яростен, как лев, учуявший добычу.

«Именем Всевышнего, – сказал он. – Если бы ты не был поражен лихорадкой, если бы вконец не спятил от любви, то ты сам не вышел бы живым из этой рощи. Если бы при тебе было оружие, то, без сомнения, ты сегодня же пал бы от моей руки. Я отказываюсь от союза с тобой, я признаю недействительными те узы

клятвы, которые, по твоим словам, связывают нас с тобой. Как? Неужели ты, глупец, думаешь, что любовь – предмет торга? Что ее можно сдержать обетами? Я буду любить Эмилию, несмотря на все твои угрозы. – Он на миг умолк и утер пот со лба. – Так как ты – высокородный рыцарь, то, полагаю, ты должен добиваться права на любовь в смертельной схватке. Итак, клянусь тебе сейчас, что завтра мы с тобой встретимся в честном бою. Я принесу тебе сюда доспехи и оружие, но никто в Афинах об этом не узнает. Ты выберешь себе лучшие, а мне оставишь те, что похуже. Сегодня же я принесу тебе еду, и питье, и одеяла, чтобы ты мог устроить себе ложе. А если уж случится так, что ты завоюешь мою госпожу и убьешь меня в этом лесу, где мы сейчас находимся, то тогда хотя бы ты сможешь обладать ею с таким же полным правом, что и я».

И Паламон ответил: «Я принимаю твои условия».

Так они расстались, и оба поклялись исполнить свой рыцарский долг – вступить завтра в поединок.

О Купидон, бог любви, ты не ведаешь милосердия. Ты самый младший из богов, но ты ни с кем не желаешь разделять власть. Верно говорят: ни любовь, ни владычество не терпят соперников. Архита и Паламон – живой тому пример. Итак, Архита поскакал обратно в Афины, и еще до рассвета следующего дня он успел втайне раздобыть два рыцарских доспеха; оба были достаточно крепки, чтобы решить исход предстоящей битвы между благородными родственниками. А затем, вскочив на коня, он – в полном одиночестве, как и появился на свет, – отвез все вооружение и латы к месту будущего сражения.

Архита с Паламоном встретились в лесу, в назначенное время и в условленном месте. Оба старались сохранять самообладание и выглядеть хладнокровными – совсем как фракийские охотники, которые с невозмутимым видом поджидают льва или медведя. Слыша, как дикий зверь несется к ним через кусты и ветки деревьев, они думают про себя: «Вот мчится мой смертельный враг. Один из нас должен погибнуть. Или я убью его, когда он набросится на меня, или – если удача отвернется от меня – он растерзает меня». Паламон знал, что Архита силен, и Архита прекрасно помнил, как могуч Паламон. Они, не приветствуя друг друга и не здороваясь, без лишних слов помогли друг другу облачиться в доспехи. И были учтивы, словно родные братья. Но затем они вступили в смертную схватку, с мечами и копьями наготове. Как же им удавалось сражаться так долго? Ну, как вы легко можете представить, Паламон бился, словно яростный лев, а Архита нападал на него со всей свирепостью тигра. Нет, они

еще больше походили на зверей. Они дрались, как дикие вепри, у которых белая пена идет изо рта. Они сражались, утопая по щиколотки в крови. ГРОХ! КЛАЦ! ОЙ! Но здесь я их оставлю на время, пускай свершаются их судьбы.

Судьба – вот распорядитель, вот главный блюститель Божьего Промысла. Провидение находится в Божьем разуме. Судьба – это средство, с помощью которого оно осуществляется в нашем мире. Могущество ее столь велико, что она сметает на своем пути все противоречия. То, что можно счесть невозможным, воплощается силою судьбы – пускай даже такое случается всего раз в тысячу лет. Все наши земные страсти – касаются ли они войны или мира, любви или ненависти – управляются судьбой.

И вот, с такими мыслями я вновь обращаюсь к Тесею, повелителю Афин, чьи страсти устремлялись к охоте. Особенно в мае он любил поохотиться на благородного оленя. Не было дня, чтобы он еще до зари не был одет для охоты и не готовился вскочить на коня; его сопровождали ловчие с гончими псами и рожками. Тесею нравилось охотиться, нравилось убивать дичь. Гонясь за оленем, он кричал: «Эге-гей!» и «Берегись! Берегись!» Конечно же, он поклонялся богу войны, но вслед за Марсом он почитал Диану – богиню охоты.

Был ясен день и свеж дрожащий воздух, когда Тесей выехал на охоту. Он был в приподнятом настроении, потому что его сопровождали его царственная супруга Ипполита и прекрасная Эмилия, одетая во всё зеленое. Ловцы доложили ему, что где-то поблизости, в лесу, затаился олень, – и Тесей во весь опор поскакал в ту сторону. Он отлично знал, что это такое место, где зверь может легко выскочить из укрытия и, спасаясь, помчаться к реке. Поэтому, готовясь к погоне, он отпустил псов с поводка. Но подожди. Кликни собак. Да где же, черт побери, этот самый лес? Да, вы догадались! Как только Тесей оказался меж деревьев, он тотчас же узрел Паламона с Архитой – двух диких вепрей, продолжавших яростно биться друг с другом. Они размахивали мечами с такой силой, что от одного их удара повалился бы дуб. Герцог пока что понятия не имел, кто они такие. Но он пришпорил коня и, проскакав между сражавшимися, выхватил меч из ножен и громко вскричал:

«Эй! Прекратите сейчас же, а не то не сносить вам головы! Клянусь могущественным Марсом, я убью того, кто снова поднимет меч! А теперь отвечайте мне: кто вы такие, какого рода и звания? Как вы смели устраивать поединки в моих владениях, без судьи и без герольдов, как полагается на законных турнирах?»

Паламон отвечал ему, не таясь:

«Ваше величество, нам нечего сказать. Мы оба заслуживаем смертной казни. Мы – двое злосчастных бедняг, две жертвы судьбы, которым собственная жизнь в тягость. И вы, как справедливый владыка и судья, не выказывайте к нам снисхождения, не предоставляйте нам убежища. Но окажите мне одну милость: убейте меня первым. Но потом не забудьте убить и его. А впрочем, пожалуй, убейте первым его. Это безразлично. Рассказать вам, кто он? Перед вами – Архита, ваш заклятый враг, которого вы изгнали из Афин под страхом смерти. Да, без сомнения, смертная казнь – вот судьба, которую он заслуживает. Но вам он известен и под другим именем. Это тот самый человек, который явился к вашему двору, назвавшись Филостратом. Вы не узнаете его? Он дурачил вас много лет. Вы даже назначили его своим главным сквайром. И это тот самый человек, который называет себя воздыхателем Эмилии! Что ж. Довольно об этом. Раз настал день, когда я должен умереть, то я признаюсь вам во всем. Я – злосчастный Паламон, и я совершил незаконный побег из вашей тюрьмы. Я тоже ваш заклятый враг, и я тоже сознаюсь, что влюблен в прекрасную Эмилию. Что ж, теперь я умру у нее на глазах! Это предел моих желаний. Итак, я прошу, чтобы мне и моему товарищу вынесли смертный приговор. Мы оба заслужили такую участь».

На это достойный герцог Тесей отвечал:

«Добавить тут нечего. Признание излетело из твоих собственных уст. Ты сам произнес обвинительную речь. Мне остается лишь вынести приговор. Нет нужды применять дыбу или тиски для больших пальцев. Вы оба должны умереть – вот и всё. Клянусь в этом покровителем моей жизни – великим Марсом».

Но тут его королева, Ипполита, принялась плакать от сочувствия и жалости. Вслед за ней заплакала Эмилия. А затем конечно же и все дамы, находившиеся тут же, залились слезами. Они оплакивали двух благородных рыцарей, которых ждала столь жестокая участь. Ведь они спорили между собой только из-за любви. Увидев огромные кровавые раны на их прекрасных телах, женщины воскликнули хором:

«О государь, смилуйся над нами, женщинами!»

Они упали на землю, коснувшись ее голыми коленями, и уже собирались облобызать ему ноги в знак мольбы. Но тут гнев Тесея прошел. Жалость ведь легко находит дорогу к добрым сердцам. Вначале он пришел в ярость от мысли, что эти рыцари пренебрегли его властью, но теперь, немного поразмыслив, он понял, что преступление их не столь уж велико. Ведь у них имелись некоторые основания поступить так, как они поступили. Гнев его стал обвинителем, а разум выступил защитником. Тесей понимал, что любой влюбленный станет добиваться своей цели, что любой узник попытается бежать из темницы. Это же естественно. Это так по-человечески. А еще он пожалел женщин, которые продолжали лить слезы.

Он некоторое время размышлял, а потом тихонько сказал сам себе: «Проклятье тому бессердечному правителю, который признает только львиный закон и без всякой жалости карает равно и смиренного, и заносчивого, который не видит разницы между нераскаявшимся и повинившимся. Позор тому, кто мерит всех людей на единых весах».

Итак, гнев его унялся. Он поднял заблестевшие глаза и громко обратился ко всем собравшимся.

«Да благословит меня и всех вас бог любви! – воскликнул он. – Сколь велико его могущество! Никто не в силах противостоять ему. Он сметает любые препятствия. Сами чудеса, что он творит, говорят о его божественности: он ведь может обратить человеческое сердце в любую сторону, в какую пожелает. Взгляните на Архиту с Паламоном! Оба они вырвались на волю из темничной башни и могли бы припеваючи, по-царски жить в Фивах. Оба они знали, что я – их заклятый враг и что в моей власти лишить их жизни. И что же? Бог любви привел их сюда, где их ждала смерть. Подумайте об этом. Не верх ли это безумия? Но такое безумие и выдает истинного влюбленного. Поглядите на них, ради бога. Видите, как они окровавлены? Видите, в каком они состоянии? Так-то отплатил им за верную службу их господин и повелитель, бог любви! Но конечно же они почитают себя людьми разумными и добродетельными в своем служении, что бы с ними ни происходило. А знаете, в чем здесь соль? Та дама, что зажгла в них такую пламенную страсть, знала об этом не больше, чем я. Ведь Эмилия точно так же не ведала об их опрометчивой доблести, как и птицы, что прячутся в деревьях над нами. Однако всем нам приходится закаляться в огне любви – горячи мы или холодны, молоды или стары. Я и сам это хорошо знаю. Много лет назад я тоже служил этому богу. А так как мне все известно о муках любви, известно, сколь тяжкую рану она наносит, когда влюбленный

попадает в ее сети, то я безоговорочно прощаю этим рыцарям их прегрешения. Я соглашусь на мольбы моей супруги, которая стоит здесь передо мной на коленях, и моей дорогой сестры Эмилии.

Но только с одним условием. Вы оба должны поклясться, что никогда больше не вторгнетесь в мои владения. Вы никогда не должны идти на меня войной, а, напротив, вы поклянетесь стать моими друзьями и союзниками. Только при этом условии вы получите прощение».

Паламон и Архита смиренно и благодарно приняли условия Тесея. В свой черед они попросили его стать их господином и покровителем, на что он великодушно согласился.

«В силу вашего царского происхождения и богатства, – сказал он, – каждый из вас достоин жениться на принцессе или даже на королеве. Это очевидно. Если бы я мог говорить за Эмилию, из-за которой вы оба перенесли столько страданий, – что ж, полагаю, вы и сами понимаете, что она может выйти замуж только за одного из вас. Вы можете вечно спорить между собой, но – хотите вы того или нет – обручиться с ней может только один. Второй останется ни с чем. Ревнуйте, гневайтесь сколько угодно. Но такова истина. Итак, выслушайте меня – я сейчас расскажу вам, как мы будем определять, кому из вас судьба предназначила Эмилию, а от кого отвернулась. Вот что я придумал. Такова моя воля, и вы должны подчиниться ей ради собственного же блага. Я не стану выслушивать никаких возражений и споров. Я ставлю условием, что оба вы сейчас уедете отсюда, каждый своей дорогой, без помех и без выкупа, а ровно через год возвратитесь: каждый – в сопровождении сотни рыцарей в полном вооружении, готовых к турниру. Исход битвы между вашими воинствами и решит, кто из вас получит руку Эмилии. Клянусь вам своей рыцарской честью, что так и будет. Я награжу того из вас, кто окажется сильнее. Убьет ли кто из вас своего противника или силою своей сотни рыцарей изгонит его с места поединка, – победителю я отдам в жены Эмилию. Итак, удача улыбнется смельчаку. Турнир состоится вот здесь, и – да смилостивится Господь над моей душой – я буду справедливым и праведным судьей в этом состязании. И я позволю одержать верх лишь одному. Один из вас будет убит или пленен. Если вы оба согласны, тогда подтвердите это и хорошенько готовьтесь к сражению».

Кто был в этот миг веселее Паламона? Кто радовался больше Архиты? Я не в силах описать вам то ликование, что охватило всех собравшихся в ту минуту, когда Тесей огласил свое решение. Он поступил так благородно, что все

присутствующие опустились на колени и поблагодарили его. Особенно пылко выражали свою благодарность оба фиванца. И вот, высоко подняв голову, окрыленные надеждой, Паламон и Архита отправились к себе на родину – в древний город Фивы. У них был год на то, чтобы подготовиться к решающей битве.

Часть третья

Не сомневаюсь, вы станете обвинять меня в небрежности, если я умолчу о тех тратах и хлопотах, в которые пришлось войти Тесею, когда он готовился к королевскому турниру. Он велел возвести амфитеатр такой величины, что, осмелюсь вам сказать, во всем мире не было большего. Амфитеатр был выстроен в форме круга, в милю по периметру, и обнесен крепкими стенами и рвами. Сиденья ярусами поднимались на высоту шестидесяти футов, да так ловко были устроены, что каждый зритель без помех мог видеть целиком всю арену. С восточной стороны стояли ворота белого мрамора, гармонично уравновешенные точно такими же с западной стороны. Настоящая мечта, воплощенная в камне. Еще ни одно сооружение такого размаха и такой красоты не возводилось с такой быстротой. Тесей бросил клич по всей своей земле и созвал всех до одного мастеров, искусных в арифметике или геометрии; он нанял для строительства этого чудесного театра лучших художников и самых прославленных ваятелей. А потом – чтобы было где совершать жертвы и обряды – он велел построить алтарь и святилище Венеры над восточными воротами. Над западными же воротами был сооружен храм Марса. Их строительство обошлось Тесею в целую повозку золота! А на северной стороне, в башенке, выроставшей из стены, Тесей возвел изящный храм богини целомудрия Дианы, искусно сложенный из белого алебастра и красного коралла.

Я чуть не забыл рассказать вам, какая благородная резьба, какие искусные картины – произведения лучших мастеров – украшали эти три храма. Так, на стенах храма Венеры запечатлены верные служители любви, томящиеся бессонницей и изнемогающие от жалобных вздохов; тут же были картины, изображавшие страдания влюбленных: их священные слезы, стенания и жаркие приступы страсти. И клятвы, которые они приносили. А также фигуры, олицетворявшие Наслаждение и Надежду, Желание и Безумство, Красоту и Юность, Веселье и Великолепие, Роскошь, и Заботу, и Ревность. Ревность была увенчана гирляндой из золотых бархатцев – это эмблема жестокости и отчаяния;

на руке у нее сидела кукушка – пестрая птица, символизирующая неверность. Фрески на стенах живописали сцены всяческих пиршеств, концертов, пения и плясок, посвященных любви. Тут были символы желания и хвастовства, всех перипетий любви, какие только бывают на свете. Я не могу их все перечислить. Достаточно сказать, что весь остров Цитера, вотчина и излюбленная обитель Венеры, словно плыл на стенах этого святилища.

В садах Цитеры виднелась фигура Лени – привратницы у ворот любви. Там был Нарцисс из древних сказаний, а рядом с ним – распутный царь Соломон. Были там и другие мученики любви. Это и Геркулес, которого не раз предавали богини и смертные женщины. Это и Турн, из-за любви лишившийся всего. И Крез, влачивший несчастную жизнь в плену. А на другой стене две волшебницы – Медея и Цирцея – с кубками любовного напитка в руках. Нет на земле такой силы, которая могла бы противостоять Венере: и мудрость, и богатство, и красота, и хитрость, и сила, и стойкость – все они терпят поражение. Она одна правит миром. Я уже приводил вам примеры ее могущества. Существуют и тысячи других. Всех влюбленных она улавливала в свои сети, и все они лишь беспомощно твердили слово «увы».

Изображение самой Венеры в этом храме ослепляло красотой. Нагая богиня плыла по бескрайнему зеленому океану; нижнюю часть ее тела – что пониже пупка – омывали волны, сверкавшие подобно стеклу.

В правой руке она держала лютню, будто готовясь тронуть ее струны, а голову богини украшал венок из свежих роз – их аромат поднимался в воздух, где порхали горлицы. Подле Венеры стоял сын ее, юный крылатый Купидон; он был слеп, как гласит легенда, но не расставался с луком и блестящими острыми стрелами.

Почему бы мне не рассказать вам и о фресках, украшавших храм Марса? Стены там расписаны сверху донизу – так, словно то были внутренние покои его заброшенного храма во Фракии. Там, в краю снегов и морозов, находятся владения великого бога войны. А потому на стене изображен лес – дикий и запущенный, с черными узловатыми ветвями и голыми, поломанными деревьями. Между пнями и корягами пронесся порыв ветра, словно адский вздох, словно чудовищная буря приготовилась поднять все это в воздух и унести. Вот там, на берегу, возле холма, стоял храм всемогущего Марса, выстроенный из вороненой стали, и вход в него был узким и длинным. Сквозь эти мрачные ворота внутрь врывался не унимающийся ветер, потрясавший петли ворот. Ледяной северный

свет проникал в этот храм через двери, потому что здание не имело окон. Сами двери были из несокрушимого адаманта, а рамы их обшиты толстыми железными листами. Кровля храма держалась на железных столбах – толщиной с бочку, они отливали холодным блеском.

Там, на стенах храма, я видел все мрачные картины мира, ввергнутого в войну. Я видел козни и ухищрения Преступности. Я видел жестокий Гнев, горевший как уголь в печи. Я видел вора. Я видел воочию сам бледный Страх. Я видел улыбчивого негодяя, прятавшего за пазухой нож. Там был крестьянский дом, охваченный пожаром, окутанный клубами дыма. Там были и измена, и тайное убийство, что шли рука об руку с борьбой и вооруженными стычками. Я видел нанесенные войной раны – залитые кровью, они соседствовали с кинжалом и грозным клинком. В этом аду эхом отдавались стоны. Я видел там самоубийцу: висок ему пронзил острый гвоздь, волосы вымазаны его собственной засохшей кровью. Там была и сама Смерть, лежащая навзничь с разинутым ртом. А посередине храма затаилось Злосчастье, имевшее прискорбное обличье. С ним рядом – Безумие, изрыгавшее дикий хохот и клокотавшее яростью. Кому еще там было место? Конечно, Недовольству, Тревоге и Жестокости.

На стене было изображено вот что: бедняга, брошенный в лесу с перерезанной глоткой; тысячи покойников, умерших отнюдь не от чумы; тиран, с ликованием глумящийся над своей жертвой; разрушенный дотла город с перебитыми жителями. Я видел там горящие корабли, швыряемые по воле волн; охотника, растерзанного свирепыми медведями; свинью, пожирающую младенца в колыбели; повара с длинной ложкой, ошпаренного дьяволом. Всем людям и всем их делам вредит пагубное влияние Марса – всем, даже скромному бедняку-вознице. Вот он лежит, насмерть раздавленный колесом.

Здесь представлены и ремесла, которым покровительствует Марс. Вот – цирюльник и мясник с их острыми орудиями в руках; вот кузнец, кующий блестящую сталь. Над ними торжественно восседающий на башне полководец-победитель; над его головой висит на тонкой веревочке меч. Там были сцены смерти Юлия Цезаря, печально знаменитого Нерона и Антония, лишившегося целого мира из-за любви. Разумеется, никто из них в те времена еще и не родился, однако громовому Марсу заранее было известно об их грядущей гибели – ведь расположение звезд ясно говорило о той участи, что была им уготована. Все легенды о великих людях заканчиваются одинаково. Я не могу сейчас их пересказывать.

А вот и возвышающийся над всеми Марс на своей колеснице. Славный бог войны, облаченный в доспехи, мрачен, грозен и свиреп лицом. Над его головой сияют две звезды, которые в старинных книгах поименованы девицей Пуэллой и воином Рубеусом; как говорят нам умудренные люди, то были эмблемы двух созвездий, расположенных неподалеку от Марса. У ног бога распростерт багряноокий волк, готовый сожрать человека. Таков был Марс во всем своем величии.

Теперь я поспешу перейти к храму целомудренной Дианы, который опишу вам насколько возможно кратко. Сцены, изображенные на стенах храма, рассказывают, как предана эта великая богиня охоте и скромному целомудию. Была там и одна из нимф Дианы – объятая горем, падшая Каллисто, которую разгневанная богиня превратила в медведицу; правда, потом она смилостивилась и превратила бывшую нимфу и ее сына, рожденного от Юпитера, в звезды. Так здесь изображено. Это всё, что я знаю. Затем я видел Дафну, дочь Пенея, превращенную в лавровое дерево. Лишь этим перевоплощением ей удалось уберечь свою девственность от похотливого Аполлона. Был там и Актеон, превращенный в оленя за его проступок: он подглядывал за обнаженной Дианой на берегу пруда. Его затравили и сожрали его собственные гонимые псы, конечно же не подозревавшие, что это их хозяин. Есть там и Аталанта с Мелеагром, которые вместе с другими охотниками преследовали калидонского вепря; за это преступление Диана сурово наказала их обоих. Я видел там и множество других сцен из различных чудесных историй и легенд. Но сейчас у нас нет времени перебирать их все.

Саму богиню изобразили верхом на олене, с двумя собачками, игравшими у ее ног; а пониже – вечно переменчивая луна: то убывающая, то растущая. Одета богиня была во все ярко-зеленое и вооружена луком и колчаном со стрелами. Глаза ее были прикованы к земле, словно она разыскивала вход в подземное царство Плутона. Перед ней лежала роженица. Ребенок так долго не появлялся на свет, что женщина выкрикивала: «О Диана, богиня деторождения, лишь ты одна сможешь мне вынести эти муки!» Художник тут не пожалел красок: все выглядело точь-в-точь как живое. Вот какими были эти храмы, которые герцог Тесей, войдя в огромные расходы, приказал пристроить к своему амфитеатру. Увидев их законченными, Тесей остался очень доволен. Постройки удалась на славу. А теперь я вернусь к Паламону и Архите.

Уже приближался условленный день их возвращения в Афины, куда, согласно уговору, каждый должен был привести с собой сотню рыцарей, вооруженных для

боя. Это был поистине цвет рыцарства. Полагаю, во всем мире не нашлось бы в те времена лучших воинов. Не нашлось бы никого благороднее или смелее их. Все они были свято преданы рыцарским добродетелям – скромности и чести. Все они мечтали стяжать себе силой оружия непревзойденную славу. А мог ли им представиться для этого более подходящий случай, чем состязание из-за руки Эмилии? Такое могло бы произойти сегодня. Если бы подобный турнир объявили в Англии или какой-нибудь иной стране, то кто из рыцарей стал бы колебаться? Сражаться за прекрасную даму – вот высшее блаженство. Ведь в этом, по моему мнению, и состоит цель и смысл рыцарства – и в старину, и в наши дни.

Так выступила в путь сотня Паламона. Одни были облачены в кольчугу и металлический нагрудник поверх легкой рубахи. Другие – закованы в сплошную броню, крепкую и тяжелую. Кто-то держал прусский или круглый щит, на ком-то были ножные латы. Один размахивал боевым топором, другой держал стальную булаву. Так было, и так будет всегда.

Среди рыцарей, сопровождавших Паламона, был царь Фракии Ликург. Черна была его борода, отважен облик. Глаза его сверкали желто-рдяным блеском. Брови были раскидистые и косматые, что придавало ему сходство не то со львом, не то с каким-то сказочным могучим зверем. Он был крупного телосложения, с мощными мышцами, широкоплечий и длиннорукий. Что еще о нем сказать? По обычаю своей страны, он ехал в золотой колеснице, запряженной четырьмя белоснежными быками. Вместо плаща поверх доспехов (утыканных яркими гвоздями, чьи шляпки поблескивали золотом на солнце) он набросил на себя медвежью шкуру, почерневшую от старости. Длинные волосы – черные и блестящие, как вороново крыло, – были зачесаны за спину. На голове лежала золотая диадема толщиной в мужскую руку, усеянная драгоценными камнями, рубинами и алмазами, неслыханно тяжелая. За его колесницей бежало десятка два, а то и больше, белых волкодавов, величиной с бычка, привычных к охоте на льва и на оленя. Они следовали за царем с туго перевязанными мордами, на поводках, прикрепленных к золотым ошейникам. В свите фракийского царя ехали сто хорошо вооруженных рыцарей с отважными и дерзкими сердцами. Так выступал в бой Ликург.

Согласно старинным преданиям, которым я должен следовать, в процессии Архиты был и великий Эметрий, царь индийский. Он ехал на гнедом коне; на этом благородном животном была стальная узда и попона из золотой парчи, расшитой хитрыми узорами. Воистину, Эметрий напоминал самого Марса. Его герб был выткан из редкостного шелка и расшит крупным белым жемчугом;

новенькое седло обшито чеканным золотом, а плащ, окутывавший плечи, украшен сверкающими рубинами. Волосы ниспадали ухоженными кудрями – такими же желтыми и блестящими, как солнце. У него был орлиный нос и глаза, отливавшие золотым светом; губы круглы и четко очерчены, лицо – свежо и светло, если не считать веснушек, рассыпанных там и сям. Он был настоящий лев – и видом и нравом. Лет ему было, пожалуй, двадцать пять. У него пробивалась борода, а голос звучал подобно боевой трубе. Голову его украшал лавровый венок, весь в пышной зелени. Для охоты он держал на руке ручного орла – белого, как лилия. Как и Ликург, он привел с собой сто рыцарей, прекрасно вооруженных и защищенных. Лишь головы у них были обнажены – в знак того, что они сражаются за любовь. И следует вам знать, что среди них были и герцоги, и графы, и даже несколько королей: все они собрались из преданности рыцарству. Вокруг них скакали ручные львы и леопарды. Так эта благородная конная процессия приближалась к Афинам. Они прибыли в город в воскресный день, в девять часов утра, и там, на улицах, спешились.

Афинский герцог, прославленный Тесей, приветливо встретил их и повел по городу к приготовленным для них чертогам; каждому было оказано гостеприимство в соответствии с его чином и званием. Тесей устроил для них пышный пир и позаботился обо всем с неслыханной щедростью. Вы, может быть, ждете, что я опишу вам музыку, что звучала на пиру, и услуженье за столами, и те дары, что получили гости высокого и низкого звания, и богатое убранство Тесеева дворца, или расскажу, в каком порядке были рассажены гости, или какая из дам была самой красивой или самой искусной в танцах, или кто лучше всех пел, или кто страстнее всех пел о любви, – но нет, боюсь, что я вас разочарую. Вы не услышите от меня ни о ручных соколах, сидевших на жердочках, ни о мастифах, лежавших на полу пиршественной залы. Все это вы можете увидеть на гобеленах. Для меня же сейчас важнее продолжить мой рассказ.

В ту воскресную ночь, до рассвета, когда только начинал петь жаворонок (до ухода темноты оставалось еще час или два часа, а жаворонок уже запел), Паламон поднялся с постели и произнес благословенье. Он проснулся в приподнятом настроении и решил совершить паломничество к Венере. Иными словами, он направился к святилищу богини, воздвигнутому у амфитеатра. В ее священный час – пятый час нового дня – он вошел в храм и, опустившись на колени на мраморном полу, стал смиренно молиться, обращаясь к ее кумиру:

«О прекраснейшая из прекрасных, благая госпожа Венера! Дочь великого Юпитера и супруга могучего Вулкана, радостная утеха горы Киферы! Заклинаю тебя именем твоей любви к Адонису, сжался над моими горькими слезами. Пусть тронет твое сердце моя смиренная молитва. Увы, мне не хватает слов, чтобы поведать обо всех моих печалях и адových мучениях. Сердце мое не в силах передать ту горечь, что я ощущаю. Я так рассеян и смущен, что могу лишь призывать твое благословенное имя. Смилуйся надо мной, прекрасная богиня. Ты видишь мою душу насквозь. Ты знаешь о моей печали. Внемли моим жалобам. Пожалей меня. А я обещаю тебе вот что. Я вечно пребуду твоим преданным слугой, я буду сражаться против пагубы бесплодного целомудрия. Таков мой обет. Я не прошу у тебя ни ратной славы, ни блистательных побед на поле брани; мне не нужны тщеславные подвиги и воинская удаля. Я жажду лишь одного – обладать Эмилией, хочу жить и умереть в служении любви. Ты сама можешь выбрать средство, только извести меня об этом. Мне безразлично – одержу ли я победу или потерплю поражение, – лишь бы заключить в объятия мою госпожу. Хотя я знаю, что грозный Марс – бог сражений, известно мне и то, что твое могущество столь велико на небесах, что одно твое желание способно привести меня к блаженству. Тогда я буду молиться в твоём храме, перед твоим священным кумиром, всю свою жизнь. Я буду возжигать сладкий огонь на твоём алтаре везде, где бы я ни оказался, и осыпать благовониями приносимые жертвы. Если же ты не захочешь благоволить ко мне и внять моей мольбе, тогда, прошу тебя, сделай так, чтобы завтра я погиб от руки Архиты. Направь на меня его копье. Если я умру, то уже не буду терзаться оттого, что он получит в награду Эмилию. Теперь, когда ты выслушала мою мольбу и постигла ее суть, о великая богиня, подари мне ее любовь!»

Окончив молитву, Паламон совершил все жертвенные обряды, каких требует Венера, с должным торжеством и старанием. Я не могу припомнить все его слова и действия – одно лишь могу вам сказать. Когда он завершил все ритуалы, статуя Венеры вдруг затрепетала и сделала ему знак. Это было доброе предзнаменование. И тогда Паламон поверил, что его молитва услышана. Знак, что подала богиня, извещал его о некоей отсрочке, но он понял главное: просьба его будет исполнена. И он вернулся домой с легким сердцем.

Спустя три часа после того, как Паламон ушел к храму, яркое солнце начало совершать свой путь по небосводу. В ту пору пробудилась Эмилия и поспешила в храм Дианы. Ее сопровождали девушки-прислужницы, они несли священный огонь, благовония и одеяния, которые требовались для совершения жертвенных обрядов. Рога для питья, по обычаю, до краев наполнились медом; у них было все необходимое для священной церемонии. Эмилия омылась в водах священного

источника, а потом посыпала помещение храма благовониями; затем добросердечная дама облачилась в скромные одежды. Я не смею рассказывать вам о том, как именно она совершала священные обряды, разве что в самых общих чертах...

- А что тут такого запретного? - прервал тут Рыцаря Монах. - Ведь прежние времена миновали. Тьме язычества давно пришел конец.

- Расскажите-ка нам все, - поддержал Монаха Мажордом. - Нас это позабавит.

- Вреда от этого не будет, - поддакнул Мельник. - У вас ведь добрые намерения. Мы должны быть свободны в речах друг с другом.

- Тогда, если позволите, все так и будет.

Блестящие волосы Эмилии были распущены и ниспадали по спине. На голове ее лежал венок, сплетенный из листьев вечнозеленого дуба, посвященного Зевсу. Вначале она зажгла огонь в двух очагах алтаря, а потом исполнила обряд, как тот описан в «Фиваиде» Стация и других древних сочинениях. Когда огонь разгорелся как следует, она опустила на колени перед изваянием Дианы и начала молиться.

«О целомудренная богиня зеленых лесов, - шептала она, - кому видно все сущее в небесах и на земле, царица темных Плутоновых владений, богиня невинных дев! Тебе открыто мое сердце уже много лет. Ты знаешь, каково мое желание. Я надеюсь, что никогда не навлеку на себя твоего гнева и твоего возмездия, как Актеон, превращенный тобой в оленя. Ты ведь знаешь, о великая богиня: все, чего я хочу, - это навсегда остаться девственницей. Я не хочу быть ничьей любовницей, ничьей женой. Ведь я из числа преданных тебе дев, которым мила охота, а не любовь. Я желаю бродить по диким лесам, никогда не выходить замуж, не вынашивать детей. Я еще никогда не хотела лечь с мужчиной. Помогите же мне теперь! Ты ведь богиня охоты, луны и подземного мира - ниспошли мне свою триединую милость! Исцели Паламона и Архиту от их страсти ко мне. Восстанови дружбу и мир, царившие между ними прежде, и отврати от меня их сердца. Вели угаснуть всем языкам пламени их жаркой любви и пылкого желания. Смягчи их тяжкие муки и потуши жгущий их огонь. Или хотя бы пошли им другую любовь - каждому свою. А если ты не удостоишь меня этой милости, если мне на роду написано иное, чем я сама желаю, то тогда попрошу тебя вот о

чем. Если мне суждено выйти за Паламона или Архиту – то дай мне в мужа того из них, кто любит меня сильнее. Но пусть уж лучше до этого не дойдет! Внемли, богиня целомудренной чистоты, деве, которая стоит перед тобой на коленях и проливает горькие слезы. Ты ведь сама дева и наша охранительница – так позволь и мне, молю тебя, сохранить девство! Если я останусь невинной, то буду служить тебе всю жизнь».

Вдруг, пока Эмилия еще молилась, яркое пламя на алтаре взметнулось кверху. А потом, к ее изумлению, огонь в одном из очагов внезапно угас – а потом разгорелся вновь. После этого второй очаг потух, и в тот же миг раздался такой треск и рев, словно загорелась целая куча влажного хвороста. С каждой ветки, лежавшей в костре, заструилась кровь – капля за каплей падала она на пол храма. Эмилия смутилась и страшно перепугалась. Что же это? В страхе она закричала будто помешанная. Она не выдержала и разрыдалась. Но в то же мгновение перед ней явилась сама Диана. Перед ней возник призрак богини с охотничьим луком в руках и заговорил:

«Дочь моя, перестань кручиниться. Боги постановили – и скрепили свое решение вечной клятвой, – что ты должна выйти замуж за одного из этих доблестных рыцарей, которые столько из-за тебя выстрадали. Я не могу тебе пока сказать, за кого именно. Но один из них станет твоим законным супругом. А теперь прощай. Мне пора. Но вот что еще я тебе скажу. Эти огни, пылающие на моем жертвеннике, были моим знаменем тебе. Ты сама видела свою судьбу».

Затем призрак Дианы растаял в воздухе, только звякнули стрелы в ее колчане.

Эмилия стояла, пораженная внезапным видением.

«Я не понимаю, что разумела великая богиня, – промолвила она. – Но отдаю себя под твою защиту, о Диана. Поступай со мной, как тебе угодно».

С этими словами Эмилия покинула святилище и возвратилась во дворец. Там я ее и оставляю.

А час спустя, в час планеты Марса, Архита отправился в храм бога, чтобы принести там жертвы. Он исполнил все священные обряды, а затем со страстью и пылом принялся молиться богу сражений:

«О могущественный бог, чьи владения раскинулись в морозных пределах Фракии, ты, в чьих руках исход всех войн, в каких бы странах и королевствах они ни велись! О ты, владыка воинской удачи, прими мою жертву и выслушай мою мольбу. Если моя молодость заслуживает твоего сочувствия, если моей силы достаточно, чтобы я служил тебе верно и преданно, то умоляю тебя: смилуйся над моими страданиями. Ты ведь и сам испытывал те же муки, когда твоей возлюбленной госпожой стала прекрасная, юная и свежая Венера. Ты вволю обладал ею. Но как-то раз хромой Вулкан поймал тебя в свои сети, когда ты возлежал с его женой... Впрочем, к чему об этом вспоминать? Во имя тех мук, которые ты тогда претерпевал, сжался над моей жгучей болью. Я молод и невежествен, как ты знаешь, но, полагаю, никто в целом мире не ранен любовью так сильно, как я. Эмилия, причина всех моих терзаний, нисколько не печется о том, погибну я или уцелею. Мне известно, что я должен добыть ее в турнире, прежде чем она сама сжалится надо мной; знаю я и то, что мне понадобится твоя помощь и твоя милость, чтобы я мог собраться с силами. Так помоги же мне, владыка, в завтрашней битве. Ради того пламени, что жгло когда-то тебя, и ради того пламени, что сжигает меня сейчас, присуди завтрашнюю победу мне. Пускай мне достанутся все труды – тебе же достанется слава! Я буду почитать твой храм превыше всякого другого места на земле. Я буду упражняться во всех искусствах и отраслях войны, дабы доставить тебе удовольствие. Я вывешу свои знамена и все вооружение моих соратников над этим освященным алтарем. И здесь же я зажгу неугасимый огонь, где буду поклоняться тебе вплоть до своего смертного часа. И вот какой еще обет я приношу тебе: я отстригу свои волосы и бороду, доселе не знавшие ни лезвия, ни бритвы, и принесу их в жертву твоему могуществу. Я пребуду твоим преданным служителем до самой своей кончины. Теперь же, о великий бог, смилуйся над моей печалью. Подари мне победу. Большого я не прошу».

Когда Архита закончил молиться, кольца, висевшие на дверях храма, затряслись; сами врата содрогнулись, словно от некоей неземной силы. Архита испугался. Огонь, горевший на жертвеннике, взметнулся ввысь, озарив своим светом весь храм. От земли вознесся сладкий аромат и пропитал собой трепещущий воздух. Архита поднял руку и бросил в пламя еще немного благовоний. Покончив со всеми жертвенными обрядами, он ждал, склонив голову. Тогда статуя Марса шевельнулась, и загремел щит с гербом бога. Раздался странный звук, как будто глухой шепот, и послышалось единственное слово: «Победа!» Архита возрадовался и, воздав дань Марсу, вернулся к себе, с надеждой ожидая предстоящей битвы. Он ликовал, как жаворонок, взмывающий ввысь.

Но вот, в итоге всех этих событий, разворачивавшихся на земле, наверху, в небесах, вспыхнула вражда среди богов. Венера и Марс спорили друг с другом – богиня любви противостояла богу войны. Юпитер силился разрешить их спор, но согласие восстановил не он, а Сатурн. Сатурн, сам бледный и холодный бог, прекрасно знал и слабые места, и былые приключения всех прочих небожителей. Он умел водворять мир и покой в небесных чертогах. В конце концов, и у старости есть свои преимущества. Ведь она – знак мудрости и длительного опыта. Юнец может обогнать старца, но вряд ли перемудрит его. Хотя, пожалуй, и не в обычае Сатурна было утишать вражду и прогонять ужас, но на сей раз он нашел способ примирить обе стороны.

«Венера, внучка моя, – сказал он. – Моя широкая орбита простирается гораздо дальше тех пределов, что достигаемы для людского рода. Я повинен в том, что люди тонут в морской пучине. В моей власти и узник, томящийся в темнице. Я отвечаю за повешение и удушение веревкой. Я – вождь восстаний и мятежей. Я повелеваю громкими стенаниями. Я ведаю тайными отравлениями. Когда я нахожусь в созвездии Льва, то распоряжаюсь возмездием и наказаниями. Я торжествую над поверженными чертогами. Я обрушиваю стены на каменщиков и плотников. Это я убил Самсона, когда он пошатнул столб. Я – владыка лихорадки и дрожи. Я заправляю изменами и тайными заговорами. Я улыбаюсь, видя приход чумы. Слушай же меня. Прекрати лить слезы. Я позабочусь о тебе. Твой рыцарь, Паламон, завоюет свою даму, как ты ему и обещала. Марс, в свой черед, поможет Архите и спасет его от бесчестья. Но вы двое сейчас же должны примириться. Я знаю: у вас разные характеры, потому-то между вами и вспыхнула распря, но сейчас довольно споров! Я – твой дед. И я готов и желаю тебе помочь. Осуши глаза».

Так говорил грозный Сатурн.

Теперь же я оставляю богов на небесах, а сам вернусь к земным событиям. Настало время для турнира. Я битву и мужей теперь пою.

Часть четвертая

В тот день в Афинах состоялись пышные празднества. Каждый почувствовал на себе майскую силу – все были смелы и веселы. Все танцевали и бились на

потешных турнирах в тот понедельник, а кое-кто провел день в служении Венере. Ночь была отведена отдыху. Все хотели проснуться наутро пораньше и своими глазами наблюдать великий бой. Следующее утро в гостиницах и харчевнях выдалось шумным и хлопотливым: выносили доспехи, готовили лошадей. Рыцари и знатные лица верхом на жеребцах и славных скакунах поехали ко дворцу. Если бы вы там были, то увидели бы небывалые, нарядные латы, словно выкованные из стали с золотом пополам. Копья, шлемы, конские доспехи сверкали в лучах утреннего солнца, а золоченые кольчуги и щиты с гербами огнем горели в толпе. В седлах сидели сеньоры в богато изукрашенных одеждах, за ними ехали рыцари свиты и их оруженосцы; сами оруженосцы прилаживали наконечники копий к древкам, застегивали шлемы и крепили кожаные ремни к щитам. Не время было мешкать. Лошади, все в мыле, жевали свои золотые уздечки. Тут же сновали оружейники с напильниками и молотками. Были в этой процессии и йомены, и много простолюдинов с толстыми посохами в руках. Все они или ехали верхом, или шли пешком, под звуки волынок, труб, рожков и литавр, исполнявших боевые мелодии.

Во дворце люди, сбившись в кучки, оживленно спорили, обсуждая достоинства фиванских рыцарей. Каждый держался своего мнения, другие же возражали. Один говорил так, другой – иначе. Одни сопереживали чернобородому рыцарю, другим был по душе лысый малый. А третьи отдавали пальму первенства рыцарю с косматой шевелюрой.

«Говорю тебе, – твердил один вельможа, – он похож на настоящего бойца. И топор у него фунтов двадцать весит, не меньше».

«Вот еще!»

Солнце давно уже взошло, а в дворцовых залах всё раздавались сплетни и пересуды.

Благородный властитель Тесей уже пробудился от музыки менестрелей и шумных возгласов толпы. Но оставался в своих потаенных покоях до тех пор, пока во двор не ввели Паламона и Архиту, равно почетных гостей. Тесей показался у большого окна, где уселся торжественно, словно божество на троне. Людям из толпы позволили войти, чтобы они могли увидеть герцога и воздать ему почести. Всем было очень любопытно услышать, что он сейчас скажет. Толпа смолкла, когда герольд криком призвал всех к молчанию. Когда воцарилась тишина, герольд зачитал решение герцога:

«Наш государь Тесей поразмыслил своим благородным умом о сути этого турнира и счел, что это чистое безумие – рисковать жизнями всех этих благородных рыцарей в смертельной схватке. А потому, дабы никто из них не пал напрасно на поле брани, герцог отказался от своего первоначального намерения. Итак, под страхом смерти, никому не разрешается являться на поединок со стрелами, с топором или ножом. Никому не позволено приносить или обнажать короткого меча: такое оружие запрещается! В противника разрешено лишь один раз метнуть копьё. Если рыцарь сражается пешим, то ему позволено обороняться. Если кому-либо не повезет и он попадет в плен, то убивать его не станут: его следует под охраной довести до столба, водруженного у края поля. Там он и должен оставаться. Если в плен попадет Паламон или Архита или если один из них окажется убитым, то на том турнир и кончится. Да пребудет Бог со всеми воинами. А теперь – вперед, и бейтесь на славу! Удачи вашим булавам и вашим длинным мечам. Ступайте же к арене. Такова воля благородного Тесея».

Тут весь народ вскричал в один голос, и этот крик одобрения достиг небесных врат.

«Благослови тебя Господь, великий государь! По доброте сердца ты не желаешь проливать благородную кровь!»

Затем под звук труб и бой барабанов все собравшиеся проследовали к каменному амфитеатру. Афинский народ, выстроившись по званиям, шествовал по городу, украшенному златоткаными полотнищами. Возглавлял шествие сам Тесей, а по бокам от него ехали Паламон и Архита; позади них ехала королева Ипполита, с нею – прекрасная Эмилия, а сзади – все остальные. Не было и девяти часов, когда все прибыли к арене. Первым воссел на свое почетное место Тесей. Когда он занял герцогский престол, Ипполита и Эмилия сели на отведенные им места. Затем расселись и все остальные. Все устремили взоры к западным, Марсовым, воротам, откуда должен был появиться Архита с красным знаменем, в сопровождении своей сотни рыцарей. И в тот же миг из восточных ворот, посвященных Венере, выехал Паламон со своей свитой; он развернул белый стяг, который нес бережно и воодушевленно. Во всем мире не могло быть двух других таких войск, которые бы во всем столь идеально отвечали друг другу – и отвагой, и благородством, и возрастом воинов; они ехали рядами по двое – рыцарь к рыцарю. Когда устроили переключку, чтобы проверить их численность, каждый в свой черед выкликал свое имя. Не было никаких поползновений к измене. Когда смотр был закончен, ворота заперли и раздался клич: «Рыцари,

выполняйте свой долг!» Затем заиграли трубы, и герольды удалились. И оба воинства приготовились к сражению.

Вот взметнулись копья, готовые к нападению; вот в ход пошли шпоры, вонзившись в бока коням. Да, то были мужи, привычные к верховой езде и искусству поединка. Дрогнувшие древки полетели прямо на крепкие щиты. Одному всаднику острие вонзается в грудину. Копья взлетают вверх, футов на двадцать в высоту; мелькают и сшибаются блестящие серебром мечи. Шлемы разлетаются в мелкие куски. КРОВЬ БЬЕТ КЛЮЧОМ. КРУШАТСЯ КОСТИ. ТРЕЩАТ РЕБРА. Один рыцарь бросается вдруг в самую гущу битвы. Один жеребец спотыкается, вот уже он валится на землю, а всадник падает ему под копыта. Другой рыцарь, не отступая ни на пядь, обороняется копьем и опрокидывает противника наземь. Вот одного ранили и пленили; несмотря на его протесты, его уводят к столбу поражения, где он должен оставаться до окончания турнира. Еще одного упавшего рыцаря уводят в другую сторону. Время от времени Тесей приказывает всем прекратить бой – чтобы рыцари могли передохнуть и подкрепить свои силы прохладными напитками или кое-чем покрепче.

Уже много раз двое фиванцев, Паламон и Архита, сходились в единоборстве; они исполосовали и искололи друг друга, и оба лишились коней. Не было в Греции свирепее тигрицы, у которой гиена утащила детеныша, нежели атаковавший своего врага Архита. Марокканский лев, загнанный охотниками и ослабевший от голода, не мог бы выказать большей ярости, чем Паламон – против своего соперника в любви. Воспламеняемые ревностью, они без пощады наносили друг другу удары, и кровь их потоками лилась на землю. Но всему приходит конец. Прежде чем истек день, могучий царь Эметрий схватил Паламона, бившегося с Архитой; он вонзил меч в плоть рыцаря и, с помощью двадцати воинов, поволок его к столбу побежденных. Немедленно на выручку своему союзнику поскакал великий царь Ликург, но его сверзили с коня; Эметрий был ранен самим Паламоном, который, не желая сдаваться, ударил того мечом и вышиб из седла. Но все было напрасно. Его, сопротивляющегося, приволокли к столбу. Тут уже и отвага не могла ему помочь, ведь Тесей ясно огласил свои правила, и он должен был оставаться там, куда его поставили. Он был побежден. Он печально склонил голову, зная, что больше сражаться не может. Увидев все это, Тесей закричал рыцарям, остававшимся на поле:

«Всё! Прекращайте бой! Теперь я оглашу свое верное и справедливое решение. Руку Эмилиии получает Архита из Фив. Он завоевал ее в справедливом состязании. Фортуна улыбнулась ему».

И народ возликовал, разразившись столь громкими криками и возгласами, что, казалось, сиденья амфитеатра вот-вот треснут.

Что же теперь делать Венере, покровительнице Паламона? Что ей сказать? Конечно же, она расплакалась, как сделала бы на ее месте любая женщина. Она плакала оттого, что ее волю нарушили.

«Я опозорена, – заявила она. – О, как я посрамлена!»

«Подожди, – прервал ее Сатурн. – Успокойся. Желание Марса удовлетворено – его рыцарь одержал победу. Но поверь мне – и ты вскоре останешься довольна».

Они вместе стали глядеть на сцену, разворачивавшуюся на земле. Заиграли трубы, и герольды радостно возвестили, что Архита одержал победу над Паламоном. Но погодите, не спешите примыкать к этому общему хору. Вначале выслушайте меня. Я расскажу вам о чуде. Свирепый Архита снял шлем, чтобы толпа могла увидеть его лицо. Он триумфально проскакал на своем боевом коне по арене, глядя на Эмилию. Она ответила ему любезным взглядом, показывая всем, что любимец удачи – и ее любимец. Архите казалось, что его сердце вот-вот разорвется от любви и нежности.

Но вдруг что-то произошло. Из-под земли вырвалась Фурия, рожденная в аду, – ее наслал по приказанию Сатурна Плутон из царства мертвых. Лошадь от испуга при виде жуткого призрака попятилась, встала на дыбы, а затем рухнула на бок. Не успел Архита спрыгнуть с лошади, как вылетел из седла и со всей силы ударился об землю. Он лежал, словно мертвый, – грудью напоровшись на свой собственный лук; кровь стекала по лицу, так что оно почти почернело. Его немедленно подняли с земли и отнесли во дворец Тесея. Там с него содрали доспехи, бережно уложили в постель. Он был еще жив, находился в сознании и все время выкрикивал имя Эмилии.

Тем временем герцог Тесей возвратился в Афины со всей свитой и прочими рыцарями; он ехал чинно и торжественно, с праздничным видом, не желая огорчать народ опечаленным обликом из-за случившегося несчастья. Всех во всеуслышание известили о том, что Архите не грозит смерть, что вскоре он оправится от своих ран. Был и другой повод для празднеств: ни один из участников турнира не был убит в бою. Было много тяжелораненых, особенно тот рыцарь, кому копьё сломало грудину, – но никто ведь не погиб. У одних

рыцарей имелись сладко пахнущие мази для ран, другие знали колдовские заговоры от переломов костей и головы. Многие бойцы пили отвары трав и особенно шалфея, чтобы исцелиться. Шалфей помогает от судорог. Есть даже поговорка: «К чему думать о смерти, коли в саду растет шалфей?»

Тесей тоже старался, как мог, утешить и развеселить их и, в согласии с законами гостеприимства, устроил пиршество, которое продолжалось всю ночь. Он также обнародовал заявление, где говорилось, что никто не был побежден и посрамлен. Это был благородный турнир – дело чести для всех, кто в нем участвовал, исход зависел лишь от прихоти судьбы. Не было никакого позора в том, что кто-то был пленен и оказался у столба, куда его притащили двадцать воинов; Паламон не сдался, а был осилён рыцарями, йоменами и слугами. Даже его коня побили палками. У него не было причин чувствовать себя посрамленным или униженным. Ведь его отвагу все видели воочию. Такими словами увещевал Тесей участников обоих воинств, чтобы предупредить любые вспышки гнева или недовольства. Да они и так уже обнимались, словно братья. Герцог раздал им подарки – каждому по чину, а потом устроил пир, который длился три дня. После этого он с королевскими почестями проводил двух царей, Ликурга и Эметрия, до границ своих владений. Каждый воин отправился домой, довольный пережитым приключением, и все по-дружески расставались, говоря друг другу: «Прощайте! Да пребудет с вами удача!»

А теперь я вернусь к двум фиванцам. Грудь у Архиты чудовищно распухла от раны; тяжесть сдавила ему сердце, кровь свернулась, закупорив сосуды, и лекари были бессильны ему помочь. То была западня: рана причиняла непоправимую порчу его телу, отравляя его, и исцелить эту напасть не удавалось ни банками, ни кровопусканиями, ни травяными зельями. Животворные токи внутри тела ослабли и уже не могли изгнать гниющую материю. Все сосуды его легких начали набухать, все грудные мышцы оказались парализованы ядом. Архита не мог ни изплевать пищу, ни извергнуть ее нижним путем. Пищеварительные пути его были окончательно загублены. Там больше не было жизни. А если настает такое время, когда силы природы иссякают, тогда и медицина бессильна. Тогда приходит время церковников. Да, Архита должен умереть! Его земной путь окончен.

И вот, лежа на смертном одре, он посылает за Эмилией и за Паламоном и шепотом обращается к ним с предсмертными словами:

«Милая госпожа, которую я так люблю! Горестный дух, объявший мое сердце, не в силах поведать свою скорбь. Я умираю. Теперь, когда моя жизнь окончена, я завещаю вам, прежде всего вам, моя госпожа, служенье моего духа. Что такое эта скорбь? Что это за муки, что я перенес ради вас? И страдал так долго? Что такое эта смерть, что приближается ко мне? Увы, Эмилия, теперь я должен разлучиться с вами навеки! Вы – владычица моей души, моя жена, моя любимая и моя умертвительница! Что такое эта жизнь? Что знают о ней люди? Мы влюблены – и вот уже лежим в холодной могиле; там нам суждено лежать в полном одиночестве. Прощайте, моя милая врагиня, моя Эмилия! Но, прежде чем я вас покину, обнимите меня, ради любви к Богу, и выслушайте то, что я скажу. С нами мой дражайший кузен, Паламон. Между нами долгое время стояла рознь и вражда. Мы с ним боролись за право добиваться вашей любви. Но теперь я молю Юпитера, чтобы он даровал мне силу верно изобразить его – иными словами, описать его правдивость и честность, воздать должное его мудрости и скромности, восхвалить благородство его характера, вспомнить его знатное происхождение и преданность всем рыцарским добродетелям. Еще он – верный воин на службе любви. А потому, клянусь великими богами, Эмилия, советую вам взять его в возлюбленные и мужа. Нет на земле человека более достойного. Он будет служить вам всю оставшуюся жизнь. Если вы решитесь выйти замуж, то вспомните об этом благородном муже».

Сказав это, Архита совсем обмяк. Смертный холод сковал его от кончиков ног до груди; руки и ноги отнялись и побледнели – из них ушли остатки жизненных сил. Лишь ум еще оставался ясным. Но и он затуманился, когда ослабло сердце, почуяв приближение смерти. Глаза его начали закрываться, он еле дышал. Но он все продолжал смотреть на Эмилию. Последние его слова были: «Смилуйтесь, Эмилия!» И душа его переменила дом. Я не знаю, куда она отлетела. Я сам никогда не бывал в той далекой стране. Я не богослов. Ничего не могу сказать. А к чему повторять суждения тех, кто притворяется, будто что-то об этом знает? В книге, где я прочитал эту старинную историю, ничего не говорилось о душах. Архита умер. Это все, что я могу сказать. Да хранит его душу Марс, покровительствовавший ему при жизни.

А что же было с теми, кто остался жить? Эмилия испустила вопль. Паламон завыл. Тесей увел свояченицу, едва не потерявшую сознание, от смертного одра. Нет смысла тратить время и рассказывать о том, как она, обливаясь слезами, провела ночь и утро. В подобных случаях женщины чувствуют такую скорбь, что это не поддается описанию; когда от них уводят мужей, они всецело предаются своему горю и порой так заболевают, что даже умирают. Афинский народ тоже был расстроен. И молодые, и старики рыдали над печальной участью Архиты.

Пожалуй, даже троянцы не оплакивали так горько гибель Гектора, когда его изуродованное тело принесли в Трою. Все были охвачены жалостью и скорбью.

«Зачем ты умер? – восклицал кто-то из горожан. – Ведь у тебя было столько золота! И ты добыл Эмилию!»

Лишь один-единственный человек мог утешить самого Тесея. Его старик отец, Эгей, прожил долгую жизнь и многое перевидал на свете. Ему были знакомы внезапные перемены – от радости к горю, от горя к счастью.

«Нет на земле такого человека, который умирал бы, не пожив перед этим. А значит, нет и такого живого человека, который рано или поздно не умирал бы. Наш мир – всего лишь путь, полный горестей, по которому все мы проходим, как пилигримы...»

– Как и мы все, – прервал тут Рыцаря Франклин.

– Весь мир – трактир, – изрек Хозяин. – И конец пути у всех одинаков.

– Да одарит нас Господь своей благодатью и ниспошлет добрую смерть, – сказал Мажордом и осенил себя крестом.

– Аминь, – отозвался Рыцарь. А потом продолжил свой рассказ.

Как сказал Эгей Тесею, смерть венчает всякое земное разочарование. Он произнес еще много изречений в подобном духе, чтобы таким образом хоть немного подбодрить афинский народ.

Тесей, утешенный словами отца, принялся думать, где лучше всего устроить могилу и погребальный курган в честь павшего рыцаря. В конце концов он пришел к заключению, что самым подходящим местом будет тот густой лес, где Паламон и Архита сражались на поединке за руку Эмилии. Там, в зеленой и вечно свежей роще, Архита признавался в своей любви и исторгал из сердца жалобы. И вот теперь, когда его любовное пламя погасло навсегда, Тесей решил возжечь в этой роще пламя для погребального костра, которое поглотит тело Архиты. Огонь потушит огонь. Тесей приказал срубить несколько древних дубов и выложить их в ряд; затем он велел нагромоздить деревья в кучу, чтобы они

легче горели. Его слуги проворно исполняли приказания.

Затем Тесей велел приготовить похоронные носилки и выстлать их богатейшими златоткаными покрывалами. Тело Архиты он обернул той же тканью. На руки ему он надел белые перчатки, голову увенчал лавром и миртом, в руки павшего воина вложил блестящий меч. Он уложил его на носилки, оставив лицо открытым. И тут Тесей не выдержал и расплакался. С первым светом он велел перенести носилки во дворцовый зал, чтобы там народ мог воздать Архите последние почести. Вскоре туда со стенаньями потянулись скорбящие афиняне. Пришел туда и опечаленный фиванец Паламон с растрепанной бородой и нестриженными волосами; его траурные одеяния были орошены слезами. За ним следовала Эмилия, непрерывно рыдавшая; у нее был самый скорбный вид.

Архита был членом королевского рода и заслуживал похорон, подобающих его сану и знатному происхождению; поэтому Тесей велел своим вельможам вывести трех коней в сбруе из блестящей стали, в пополах, украшенных геральдическими эмблемами погибшего героя. На этих трех конях ехали три всадника. Первый из них держал щит Архиты, второй – высоко поднятое копье, а третий – турецкий лук, отлитый из чистого золота. Торжественно, со скорбным видом, ехали они к лесистой роще. Позади них медленной поступью шагали знатнейшие из афинских воинов – с покрасневшими от слез глазами они несли на плечах похоронные носилки. Главная дорога Афин, по которой они шествовали, была устлана черными тканями, и окна домов были занавешены черными полотнищами. По правую руку от носилок шел Эгей, а по левую – Тесей; отец и сын несли сосуды из чистого золота, наполненные молоком и медом, кровью и вином. За ними следовал Паламон, окруженный толпой, а за ним – Эмилия. Согласно обычаю, она несла в чаше, прикрытой крышкой, огонь для разжигания погребального костра.

Приготовления к этим похоронам были многотрудными; сложенный погребальный костер был так высок, что своим зеленым верхом едва не касался небес, а у основания достигал в ширину двадцати морских сажень. Были там и ветки, и густо набросанная солома. Были там сучья и от дуба, и от ели, от березы и осины, от бузины и падуба, от тополя и ивы, от вяза и платана, от ясеня и самшита, от липы и лавра. Может быть, я забыл упомянуть какое-нибудь дерево? Ах да. Еще там была древесина клена и терновника, бука и лещины и конечно же плакучей ивы. У меня нет сейчас времени описывать, как все это рубили. Но могу сказать вот что. Все лесные божества сновали туда-сюда, ужасаясь тому, что губят их родной дом. Ведь прежде нимфы, фавны, гамадриады отдыхали здесь в

мире и безопасности. А теперь, подобно птицам и зверям, они в страхе убегали, потому что вырубали их рощу. Не могли же они жить в пустыне! Почва была бесцветна; раньше сюда никогда не проникали лучи солнца, а теперь, казалось, сама земля ошеломлена внезапным светом.

Погребальный костер был сложен так: внизу – слой соломы, поверх нее – сухие палки и разрубленные стволы деревьев, а сверху – зеленые ветки и пряности. В эту же кучу отправились златотканые покрывала и драгоценные камни, цветочные гирлянды, мирра и сладко пахнущие благовония. Затем на богато убранный ложе, посреди сокровищ, положили тело Архиты. Соблюдая обычай, Эмилия возложила на костер пылающий факел, но, как только вспыхнуло пламя, она потеряла сознание. Вскоре сознание вернулось к ней, но я не могу вам доложить, что она говорила или чувствовала, потому что сам не знаю.

СВЯЩЕННЫЙ УЖАС. СКОРБЬ. ПУСТОТУ. Когда костер разгорелся как следует, плакальщики начали бросать туда драгоценности. Некоторые воины метали в пламя свои мечи и копья. Другие срывали с себя одежды и кидали их в огонь. Выполняя священный обряд, главные плакальщики бросили туда свои кубки с вином, молоком и кровью, и пламя зашипело еще громче. Афинские воины, плотно сомкнув ряды и громко восклицая, трижды проскакали вокруг костра с высоко поднятыми копьями. «Здравствуй и прощай!» Женщины тоже трижды испустили скорбный плач. Когда от тела Архиты остался один белый пепел, Эмилию отвели обратно во дворец. Там бдение продолжалось всю ночь. Афиняне совершили обряд погребальных игр с кулачными боями (нагие борцы блестяли маслом) и прочими состязаниями. Когда игры окончились, атлеты вернулись домой, в город. А я теперь должен перейти к делу и наконец завершить свой долгий рассказ.

По прошествии многих лет, когда, по общему согласию, время траура истекло и была пролита последняя слеза по Архите, Тесей созвал в Афинах парламент для решения государственных дел – заключения договоров и союзов и тому подобного. Одно из заседаний касалось вассалитета Фив по отношению к Афинам, о чем давно уже имелось соглашение, поэтому Тесей вызвал Паламона на это слушание. Паламон не знал, о чем пойдет речь, но поспешил явиться; он по-прежнему носил траур по своему погибшему товарищу. Когда Паламон занял свое место, Тесей послал за Эмилией. Собравшиеся в почтительном молчании ждали, когда Тесей заговорит. А тот стоял у трона и, ни слова не говоря, внимательным взглядом обводил собравшихся. Потом он вздохнул и, сохраняя серьезное выражение лица, заговорил:

«Кто, как не Перводвигатель вселенной, первопричина всего сущего, сотворил великую цепь любви? У него была высокая цель и мощный умысел; он знал, что делает, и вкладывал в это смысл. Он обладал и предвидением, ибо в этой цепи любви связал воедино огонь и воздух, землю и воду. Они сомкнуты в объятии, которого им никогда не разомкнуть. И тот же самый владыка бытия учредил закон времени для неустанного мира, в котором мы живем: день следует за днем, весну сменяет лето, а срок нашей жизни конечен. Никому не под силу выйти за пределы отведенного ему времени – его можно только сократить. Мне не нужно прибегать к мнению авторитетов, чтобы доказать свою мысль. Это – обобщенный человеческий опыт. Скажу лишь одно: если люди признают гармонию космоса, тогда они должны заключить, что Перводвигатель самодостаточен и вечен; лишь глупец станет отрицать то, что часть проистекает из целого. Природа не возникла из какого-то временного или частичного бытия. Она – отпрыск вечного совершенства, которое постепенно нисходит в наш порочный и изменчивый мир. А потому Творец в своей мудрости решил, что всем видам и типам, всем формам и званиям должно быть отведено свое место на этой земле. И ничто здесь не может быть вечно.

Свидетельства тому вы видите повсюду. Вспомните дуб. Живет он очень долго, растет очень медленно – от младенческого ростка до кряжистого исполина. Но и он когда-нибудь зачахнет и упадет. Вспомните и о самых твердых камнях, что мы попираем ногами: даже они когда-нибудь изотрутся в пыль и исчезнут.

Самая широкая река может превратиться в пересохшее русло. Величайшие города ждет мерзость запустения. Всему приходит конец. Таков закон самой жизни. Мужчины, женщины – все должным чередом движутся от юности к старости; и царя, и раба постигает кончина. Одни умирают в своей постели, другие – в морской пучине, иные – на поле брани. Как именно они уходят из жизни – не важно. Конец всегда одинаков. Последнее слово всегда за смертью.

И кто распоряжается всем этим, как не верховный бог, могущественный Юпитер? Ведь это он устроил все так, что все сотворенные существа должны вернуться во тьму своего истока. Никто на земле не в силах постичь его волю. А потому мудрец – тот, кто необходимость превращает в добродетель и принимает то, чего не избежать. Ведь неизбежное все равно придет, как приходит завтрашний день. От чего нет исцеленья – тому поможет терпенье. А кто противится такому миропорядку, тот повинен в глупости: он восстает против великого бога. А есть ли что-либо для человека почетнее, чем своевременная смерть? Смерть в пору славы и цветения жизни, когда человек уносит с собой в

могилу доброе имя? Такая смерть, за которую не стыдно перед друзьями и родней? Ведь все, кто знал умершего, будут только аплодировать такой кончине. Уж лучше уйти из этой жизни со славой и почетом, чем жить долго и прозябать в забвении, когда все былые достижения поросли мхом, а победы забылись. Спорить с этим неразумно. Нет! У нас нет причин скорбеть об уходе Архиты, этого образцового рыцаря, или горевать о том, что он освободился из мрачной темницы нашей жизни. Он выполнил свой долг. Он заслужил почести. К чему же Паламону и Эмили, присутствующим здесь, оплакивать его счастье? Он любил их – и он не стал бы благодарить их за все эти слезы. Они лишь вредят самим себе, а не доставляют радость его призраку. Их печаль для умершего Архиты – ничто.

А теперь я закончу свою долгую речь. Советую всем вам возвеселиться сердцем. Вслед за несчастьем приходит счастье, за болью спешит блаженство. И за это мы должны благодарить милостивого бога, сущего над нами. Поэтому, прежде чем мы уйдем отсюда, надеюсь, мы сумеем сотворить одну совершенную и нескончаемую радость из двойной скорби. Где рана глубже всего, туда и следует наносить бальзам».

С этими словами он обратился к Эмили:

«Сестра! Вот мое предложение – я горячо советую его принять, и его поддерживает афинский парламент. Я прошу вас с благосклонностью взглянуть на Паламона, истинно преданного вам рыцаря, который служил вам с тех самых пор, как вы его узнали, всей своей душой, и сердцем, и помыслами. Я прошу вас оказать ему милость и пожалеть его. Я прошу вас взять его в мужья и повелители. Дайте мне руку в знак сердечного согласия. Я хочу увидеть ваше сострадание. У него ведь столько достоинств! Он происходит из королевского рода. Но, будь он даже безродным молодым рыцарем, он все равно заслужил бы вашу руку. Он много лет оставался вашим верным слугой и, служа вам, претерпел множество невзгод. Подумайте же о его стойкости! Пусть милосердие одержит верх над суровой справедливостью».

Затем Тесей обратился к Паламону:

«Полагаю, уж вас-то не потребуется излишне рьяно убеждать, вы быстро согласитесь на мое предложение. Подойдите к своей госпоже и возьмите ее за руку».

А затем, при общем ликовании, Паламон и Эмилия сочетались брачными узами. БЛАЖЕНСТВО. МЕЛОДИЯ. СОЮЗ. И да ниспошлет им Бог, сотворивший сей огромный мир, Свою любовь. Теперь Паламон наконец-то достиг желанного счастья. Он живет в здравии и довольстве. Эмилия нежно любит его, а он служит ей так трепетно, что никогда между ними не проскакивает ни одного недоброго или ревнивого словечка. Так завершается рассказ о Паламоне и Архите.

Да спасет Господь каждого из нашей честной и благосклонной компании!

Здесь заканчивается рассказ Рыцаря

Пролог и рассказ Мельника

Пролог Мельника

Дальше следует разговор между Трактирщиком и Мельником

Когда Рыцарь закончил свой рассказ, все паломники – старые и молодые, богатые и бедные – согласились, что это благородная повесть, которая должна навсегда остаться в нашей памяти. А наш Трактирщик, Гарри Бейли, рассмеялся и принялся шутить с нами. – Клянусь моей верой, – воскликнул он, – ворота-то распахнулись! Мы уже видим дорожку, которая перед нами стелется. Ну, кто будет следующим рассказчиком? Хорошо ведь игра у нас пошла! Кто ее подхватит? Может быть, вы, сэра Монах? Есть у вас в запасе что-нибудь такое, что потягается с рассказом Рыцаря?

А сзади ехал Мельник, то и дело сползавший с лошади. Он был так пьян, что едва держался в седле. Говорят же про пьяного, что он самого черта видал. Мельник был бледен как мел. Он не стал вежливо снимать капюшон или шляпу, не стал ждать, пока кто-нибудь еще заговорит. Громким голосом, будто Пилат на карнавальной сцене, он заорал, обращаясь к нашему Хозяину:

– Клянусь кровью и костями Христовыми, Гарри! А вот у меня какая благородная история есть! С ней я Рыцаря на милую обскачу! – И тут же рыгнул.

Гарри видел, что Мельник пьян, и попытался его угомонить.

– Погоди немного, Робин, – сказал он. – Пускай следующую историю расскажет кто-нибудь другой, а ты свою попозже расскажешь. В этом деле порядок надо соблюдать.

– Вот еще, в божью душу! И не подумаю ждать. Я сейчас хочу. Иначе я сам поеду, и ну вас всех!

– Ну, говори тогда, чтоб тебя черти драли! – отвечал ему Гарри. – И дурак же ты! Ты, видать, мозги свои в бочке эля утопил!

– А ну-ка, вы все, послушайте меня! – сказал Мельник. – Да, не спорю, я пьян. Чего уж тут отпираться. Так что, если я буду браниться или в словах путаться, то вините в этом не меня, а саутуоркское пиво! Вот и всё. И точка. Я вам расскажу историю про плотника и его жену и про то, как молодой школяр плотника обдурил. Ну, вы понимаете, о чем я.

Тут его сердито прервал Мажордом:

– Хватит! Прекрати изрыгать всю эту нелепую похабщину! Только слова попусту жуешь. Это грешно и глупо – клеветать на всех, позорить жен. Зачем очернять добрых людей? Как будто и поговорить больше не о чем.

Мельник сразу же ответил ему:

– Освальд, дорогой мой брат! Знаешь старую пословицу? «Кто не женат, тот не будет рогат!» Я не говорю, что ты тоже рогоносец. Откуда мне знать. Конечно, и хороших жен на свете немало. Если меня спросишь, я отвечу: пожалуй, на тысячу хороших всего одна плохая найдется. Да ты и сам, наверно, не хуже меня это знаешь. Если ты не сумасшедший, конечно. Так зачем ты кипятишься? Я ведь тоже женат, как и ты. И клянусь всем святым, что у меня есть, что жена мне верна. Клянусь – дайте подумать, клянусь моими волами, – что я не рогоносец. Ну, по крайней мере, надеюсь, что это так. Никакой муж не пожелал бы открыть

тайны Господа и тайны собственной жены. Пока ему дано вкушать от благодати Божьей, что явлена ему в виде женского тела, не стоит ему больше ни о чем заботиться.

Ясно было, что Мельник и не думает обуздать свой язык, а собирается рассказывать свою грубую историю на собственный грубый лад. Я очень сожалею, что мне придется пересказывать ее здесь. А потому, дорогие читатели, не держите на меня зла за то, что вы прочтете на следующих нескольких страницах. У меня нет дурных намерений. Я просто взялся передать все, что слышал, – и хорошее и дурное. Иначе я не справился бы со своей задачей. Я бы искажил свой замысел. Если вы не хотите читать рассказ Мельника, тогда просто пропустите его. Я вас не неволю. Тут же множество других историй. Тут есть и исторические повести, и благочестивые рассуждения, и нравственные наставления – хоть отбавляй! Не вините меня, если вы сами выбрали неподходящий рассказ. Ведь Мельник – грубиян. Вы сами это знаете. Мажордом – тоже неотесанный мужлан, как и некоторые другие. Оба они рассказывали непристойные истории. Так что поразмыслите. И не валите вину на меня. Да и стоит ли принимать всю эту игру всерьез?

Рассказ Мельника

Здесь Мельник начинает свой рассказ

– Однажды в Оксфорде жил один старикашка-чудак, зажиточный старый плотник. На жизнь он изрядно зарабатывал своим ремеслом, да еще пускал к себе за плату постояльцев. Среди этих жильцов был бедный студент, который уже отучился в университете, а теперь изо всех сил постигал премудрости астрологии. Он разбирался во всяких «воздействиях», «заклечениях» и «вычислениях» – уж не знаю в точности, что и как там у них зовется, – но ему хватало познаний, чтобы предсказывать дождливые и сухие дни. И он всегда давал ответ, когда кто-нибудь просил его предсказать будущее. Студент этот был вежлив и учтив. Звали его Николас.

А еще он был охоч до женщин и умел ловко завлечь их в постель. Он был кроток в манерах, как девушка, и очень скромн. Но внутри у него пылало пламя.

Комнатка его помещалась на самом верху плотникова дома. Там он с головы до ног натирался соком ароматных трав, так что потом от него пахло душистой лакрицей или благоуханным имбирем. Конечно, женщин это возбуждало. На полках над его кроватью стояли всякие хитроумные приборы, глобусы, ученые трактаты, астролябия и счеты со стеклянными костяшками. Было там и еще кое-что, на что девушки обращали внимание: его гардероб скрывала старая алая занавеска. Возле кровати стояла арфа, на которой он играл по ночам; вся комната оглашалась приятными звуками его голоса, когда он исполнял «Что Ангел сказал Деве» и «Королевский напев». Его и самого в пору было за ангела принять. Но ни одна девушка, оказавшись рядом с ним, не осталась бы невинной слишком долго. Так протекала счастливая жизнь Николаса, который то перебивался заработками, то получал деньги от друзей. Ему было все равно, откуда брались деньги.

Домохозяин же его недавно заново женился. Алисон была бриллиантом, ей было всего восемнадцать лет, и, разумеется, плотник был от нее без ума. Но он так ее ревновал, что всячески ограждал от посторонних. Она ведь юна и крепка, а он – стар и жилист. Вдруг ее прельстит кто-нибудь другой? Плотник был слишком глуп, чтобы читать труды Катона. Иначе бы он узнал, что мужчине лучше жениться на своей ровеснице. Людям следует жениться, учитывая возраст и положение. Зиме с весной друг друга не понять – особенно в постели. Что ж, он постелил себе постель, какую пожелал, ну, а теперь ему в ней и лежать.

Эта молодая жена была красавица – маленькая, стройная, как белочка; ей нравилось носить шелковый полосатый кушак. У нее был передник – белый, как утреннее молоко, весь в складочках и оборках, будто подвенечное платье. Сверху выглядывала белая сорочка с воротничком, вышитым и спереди и сзади, а сам воротничок был из черного шелка, очень привлекательный. Ленты на белом чепчике тоже были черными. Головная лента была повязана высоко, так что оставался открытым лоб. Лоб – это равнина Венеры. А еще – глаза. Такие сладострастные глаза. Брови она выщипывала, так что они выгибались тонкой дугой – в тон черным лентам на чепчике. Она была мила и пригожа, как дерево, на котором поспевают фрукты. Она была мягче ягнячьей шерсти. С ее пояса свешивался кожаный кошелек с шелковыми кисточками, украшенный блестящими медными бляшками. Ни один мужчина в мире не видывал такой шалуни. Алисон была хохотушкой. Она была вертихвосткой. Ни у какой другой девицы не было такого веселого румянца – ее щечки блестели, как новенькие золотые монетки. А когда она пела, ее голосок был легким и живым, как у ласточки, присевшей на гумно. Она скакала и резвилась, совсем как козленок или теленок, повсюду следующий за матерью. Губы у нее были сладкими, как

мед, смешанный с медовым напитком, а дыхание своим ароматом напоминало яблоки, переложенные вереском. Она была норовиста, как бодрый жеребенок, стройна, как мачта, и пряма, как арбалетная стрела. К воротнику у нее была приколата брошь величиной с шишку воинского щита. Она носила высокие сапожки, зашнурованные до самого верха. Она была как маленькая роза, как цветок бархатцев – отрада для очей. Она заслуживала того, чтобы, потешив в постели принца, выйти замуж за йомена.

И вот однажды, в погожий день, когда старик плотник трудился в аббатстве Осней, красавчик Николас принялся любезничать и заигрывать с Алисон. Как и многие студенты, он был хитрым и изворотливым юношей. Что же он делает? Он начинает ласкать ее между ног, приговаривая:

«Знаешь что? Если ты не станешь моей, я умру от любви к тебе. – А потом его рука отправилась гулять дальше, поглаживая ее бедра. – Желанная, – говорит он, – порезвись со мной прямо сейчас, а иначе – да поможет мне Бог – я лягу и тотчас же умру. Дай мне, или я погиб!»

Но Алисон отскочила от него, как жеребенок, которого собрались подковать, и тут же отвернулась от него.

«Да чтоб тебя, Николас! – вскричала она. – Ты что, думаешь, так я тебя и поцелую? А ну откатись. И руки свои подальше держи. Иначе я закричу: „Насилуют!“»

Тогда Николас принялся извиняться, от извинений перешел к оправданиям, а от оправдания – к предложению. Конечно, в итоге он добился своего: когда он закончил убеждать и прельщать Алисон, она сама уже почти на шею ему вешалась.

«Но все не так-то просто, – предостерегла она его. – Муж мой очень ревнив, нам нужно вести себя осторожно. Придется подождать. Иначе он убьет меня. Я не шучу. Мы всё должны хранить в тайне».

«Не горюй, – ответил ей Николас. – Уж кто, как не школяр, сумеет провести плотника вокруг пальца! Иначе какая польза была бы от образования?»

И они сошлись на том, что им нужно повременить и выждать подходящий момент. Николас поцеловал ее и погладил изнутри ее бедра. Потом вернулся к себе в комнату, взял арфу и начал наигрывать веселую мелодию.

И случилось так, что на следующий день, в святое воскресенье, Алисон отправилась в приходскую церковь, чтобы помолиться Спасителю. Она закончила работу, умыла личико до блеска, как и подобает всякой доброй жене. А в этой церкви служил один клирик, по имени Абсолон. У него были премилые светлые кудри, окружавшие его голову, словно нимб. Но он не был святым. Волосы его были расчесаны на пробор – тут уже потрудились не природа, а искусные руки. Лицо было румяное, а глаза – серые, как голубиное крыло. Туфли у него были ажурные, точно витражное окно. А еще он носил красные чулки, плотно прилегавшие к ногам. Остальная одежда тоже туго облегла тело, подчеркивая красоту фигуры; он носил голубую рубашку, стянутую шнуровкой в талии. Поверх нее он надевал изящный стихарь – белый, как весенний цвет на ветке. Видит Бог, это был бойкий юноша. Он радостно исполнял все обязанности клирика. А еще он умел пускать кровь, стричь волосы и брить бороды, ловко составлял документы и подписывал договоры. Вдобавок, он знал двадцать разных танцевальных па и умел плясать по-оксфордски, вскидывая ноги во все стороны. Он играл на скрипке, пел легким фальцетом и умел брэнчать на гитаре. Он знал наперечет все кабаки и таверны в городе и, разумеется, всех до единой хорошеньких кабатчиц, умел заводить с ними тесные связи и знал толк в развлечениях. Была у него парочка слабых струнок: не любил он пускать ветры прилюдно, а еще очень чинился при беседе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/piter-akroyd/kenterberiyskie-rassказы-perelozhenie-poemy-dzheffri-chosera/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными

картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Перевод И. Кашкина. (Здесь и далее – прим. перев.)

2

Восклицание, вопрошание и толкование (лат.).

3

Из «Общего пролога». Перевод И. Кашкина. (Здесь и далее цитаты приводятся по изд.: Чосер Джеффри. Кентерберийские рассказы. М., «Грантъ», 1996).

4

Эдмунд Спенсер (ок. 1552–1599) – выдающийся английский поэт эпохи Возрождения, старший современник У. Шекспира.

5

Царица благодатная! Я так
Слаба, и знания мои некстати;
Нести сей груз я не могу никак;
Но вроде годовалого дитяти,
Которое едва лепечет: «Мати!» —
Вот так и я – стихи сказать спешу
И в этом помощи твоей прошу.

(Перевод Т. Поповой.)

6

Тут соскочил петух с своей насести,
И все супруги с ним спорхнули вместе,
И, чтоб не разбредались далеко,
Он начал звать хрипучим ко-ко-ко...
Он выступал с осанкой горделивой,
Звал Пертелот к себе нетерпеливо,
И в шею ласково ее клевал,
И раз до двадцати пяти топтал.
Топорщил гриву, как свирепый лев,
И кукарекал, надрывая зев.
И, пыжась, он ходил лишь на когтях,

Чтоб пяток не коснулись грязь и прах.

(Перевод И. Кашкина.)

7

Намек на англо-нормандский выговор, который Аббатиса переняла, обучаясь французскому в бенедиктинском монастыре в Стратфорде-на-Боу (ныне Боу – район Восточного Лондона).

8

В начале [было Слово] (лат.).

9

А мы, бродяжечки,
Веселы от бражечки,
Тра-ля-ля-ла (лат.).

10

На месте преступления (лат.).

11

Как звезда морская (лат.).

12

Родительница и девушка (лат.).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/piter-akroyd/kenterberijskie-rassказы-perelozhenie-poemy-dzheffri-chosera-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)